

Константин Толстов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Один миг вечности,

или экзистенциальная повесть о человеке

Константин Толстов

**Один миг вечности,
или Экзистенциальная
повесть о человеке**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Толстов К. В.

Один миг вечности, или Экзистенциальная повесть о человеке /
К. В. Толстов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1544-6

Действие происходит в 2 временных эпохах - в недалеком будущем в России и Европе и в 30-ом веке в пост-апокалиптической Америке. Это книга об обществе бессмертных Судей, которые поставили себе цель накапливать и приумножать знания, а также делиться ими с человечеством и вести его. Главные герои - Ниак, Старейшина Судей, отец Михаил - глава Ордена Чистоты, религиозного общества, стремящегося уничтожить Судей и захватить власть, Игорь - молодой человек, оказавшийся в эпицентре борьбы между двумя силами. Книга состоит из трех частей и похожа на многие современные фантастические произведения. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-1544-6

© Толстов К. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Константин Толстов

Один миг вечности,
или экзистенциальная повесть о человеке

Первая редакция от 31.08.2018

Благодарность

Здесь я хотел бы поблагодарить тех, кто поддерживал меня и помогал писать. В первую очередь бесконечное спасибо моей жене, Кристине, которая всегда верила в меня и мою идею, поддерживала меня и создавала возможность, а также моей маме, которая всегда считала, что у меня неплохо выходит писать, с удовольствием и азартом читала все мои поделки и давала свои бесценные комментарии.

Огромное спасибо моему брату, который всю жизнь был моим мудрым наставником, талантливым и творческим человеком, который своими поступками вдохновлял меня трудиться, преодолевать себя и ставить преодолимые, сложные и интересные задачи.

Спасибо всем тем, кто поверил в меня и мою идею. Мнение общественности всегда много значит, а друзья поддерживают и помогают.

От автора

О чем эта книга? О нас с вами. Пожалуй, так бы я ответил в самом начале работы над ней.

Но пока я работал над ней, я менялся сам, менялся мой взгляд на мир, книга обретала свой собственный характер, с которым надо считаться. Я с удивлением обнаружил, что писать – это тяжкий труд, но еще интереснее то, что это также и большое наслаждение.

Сейчас в это трудно поверить, но начало этой повести появилось еще в 2009 году, когда мне пришла в голову идея о бессмертных. Тогда я исходил скорее из конечной точки – мой главный герой в разрушенном мире будущего. Что он делает? Как он живет? Почему мир стал таким?

Потом я на годы забросил эту идею. Но она жила, давала всходы и, наконец, оформилась в нечто осмысленное, хотя и совсем иное, чем я задумывал в начале.

Я всегда думал о том, что творчество в наши дни – явление весьма суррогатное. За века разумной деятельности человека формы искусства видоизменялись, достигали вершин и падали в пучины. Что касается литературы, а теперь и кино, то здесь встает еще один крайне важный вопрос. Можно ли придумать оригинальную идею или существующие заполнили нишу настолько плотно, что ничего нового втиснуть уже не выйдет?

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, зависит от точки зрения. Является ли оригинальным фильм, если режиссер черпал вдохновение у своих кумиров, заимствуя иногда целые сцены? Или книга, написанная человеком, находящимся в отрыве от информационного сообщества и не знающего, что подобная тема уже изложена?

Так вот, моя точка зрения – прекрасно любое искусство, созданное человеком. Конечно, при условии, что оно хоть сколько-нибудь самобытно, оригинально и (самое важное, на мой взгляд) уникально в силу своей трудноповторимости или обилия затраченных усилий.

Я и сам не понимал, что я отражу в этой книге. Ведь, как любитель кино и литературы, я "учился" у многих очень разноплановых творцов. Здесь было и фэнтези, и детективы, и классика, и различное весьма специфическое и узконаправленное искусство – все давало пищу для размышлений.

Я не рассчитываю, что книга станет чем-то шедевральной, лишь надеюсь, что она сможет принести кому-то из читателей радость и приятные моменты.

Пролог.

Сегодня первое апреля. Снова наступил этот день. Великий день – в каком-то смысле. Ведь это его день рождения. Кстати, какое странное название, совсем не отражает сути. Потому что день рождения – это день, когда кто-то был рожден, а совсем не день чествования его годовщины жизни.

Он часто об этом думал. По обычным человеческим меркам не очень-то часто – лишь раз в год, в день своего рождения, первого апреля. Правда была в том, что для него эти дни стали довольно быстро мелькать.

Порядочно времени миновало с тех пор, как все началось... Как началась его жизнь. Он много повидал на своем веку. Довольно всего пережил – войны, смерть друзей, родственников; не описать, сколько всего испытал – лишения, страдания, боль, скитания. Но все это, конечно, было не так страшно как его Крест. Именно этим старым словом он назвал свое необычное существование, его цель, причину и суть.

Наступил рассвет. Сегодня солнце встало неожиданно рано – должно быть, повлияло снижение облачности в последнее время. Он отлично помнил, несмотря на давность лет, эти ужасные свинцовые тучи, висевшие над головой круглые сутки. Когда солнце восходило, небо чуть светлело, но это ни в коей мере ни шло в сравнение с теми прекрасными голубыми сводами, которые простирались во все стороны до горизонта, как это было тогда, до войны. Ночью же словно задергивали плотные шторы – и воцарялась тьма в мире, так изменившемся.

Он нечасто вспоминал войну. Он теперь вообще нечасто вспоминал прошлое, а скорее жил в бесконечном настоящем, словно его разум временами застывал, как муха в янтаре.

А сейчас небо снова стало постепенно очищаться. Встающее солнце озарило своим золотым светом руины города. Он отвернулся. Ему не нравилось, как в лучах радостного весеннего солнца выглядят осколки былого, торчащие, словно сломанные бетонные зубы.

Он сидел на восточном склоне холмов. Поднял голову вверх – на небе еще плавали редкие тучи, черные, налитые.

Так прошло пару часов, затем он достал из сумки, которая лежала рядом, большую тетрадь. Если когда-либо и было кому суждено узнать, что случилось с человеческой расой, то лучше всего ему помогла бы эта тетрадь. Только человеку, что сидел на холме, было известно так много.

Он усмехнулся и про себя добавил: «Если не случится так, что я сам лично расскажу всю историю».

С холма взгляду открывалась вид на развалины города, пересохшую речушку, а за ней лежали такие же холмы. Когда-то они были покрыты растительностью, свежей по весне, зеленой и сочной. Сейчас же склоны покрывала пожухлая бледно-желтая трава. Ее нездоровый цвет стал следствием недостатка света.

Он поежился, вспоминая, как люди страдали без солнца. Конечно, дело тут было не только в болезнях или замедлении выделения кислорода зелеными растениями. Было трудно не видеть светила годами, темный покров над головой давил на людей, смущал их умы. Только бесконечная усталость, голод и другие проблемы не давали людям думать о высоком. Тем, кто родился уже потом, после войны, было не понять радости, которую можно было испытать, выйдя в яркий летний день на улицу, когда на небе не было ни единого крошечного облачка, а вокруг, насколько хватает глаз, раскидывается залитое золотым светом пространство.

Между тем, солнце потихоньку двигалось по небосводу, приближаясь к зениту. Он перестал писать, пришло время поесть.

Взял свою сумку, открыл ее и убрал туда тетрадь и ручку. Засунул руку поглубже и пошарил, нащупал небольшой сверток из кожи, перевязанный веревочкой.

Вчера он вспомнил про свой день рождения, и решил, что он должен как-то обозначить этот день, чтобы не превратиться в древний дуб, просто живущий из года в год, из сезона в сезон, когда каждый следующий день точно такой же, как и предыдущий.

Нет, он всегда делал свой день рождения особенным, отмечал его каждый год. Именно отмечал, потому что в обычном понимании людей XXI-го века в таком праздновании было не просто мало веселья. Иногда и вовсе абсурдно получалось.

Он скривился при этой мысли. Людей этих уже давным-давно нет в мире. Но будь хоть кто-нибудь из них здесь, сейчас, это скрасило бы ему еще несколько десятков лет.

Потому что в этом новом мире люди были другие. Они скорее походили на каких-нибудь троглодитов из книг по антропологии – не внешне, разумеется. Общество их снова вернулось на примитивный уровень. И хотя он много говорил с ними и путешествовал по миру, ему все равно мечталось когда-нибудь встретить человека из прошлого, из далекого времени своей молодости. Те люди были счастливы, хотя и не понимали этого. Их комфортное существование обеспечивало общество. Все жили по-разному, было и множество бедняков.

Но, думалось ему, самый распоследний бедняк того времени, покажи ему тот мир, в котором жили люди сейчас, он был тотчас воспрянул духом и перестал ругать свою судьбу.

С другой стороны, продолжал он мысленно рассуждать, здесь он жил в относительно пустом мире, исковерканном, разрушенном, и люди здесь были иные. Бедняк того времени знал, что хоть его и окружала на улице толпа из сотен человек, попросить помощи он не мог, как если бы был в лесу среди темных и глухих к человеческим мольбам деревьев. В деревне внизу люди были словно одна большая семья.

Он тряхнул головой и развернул сверток. Внутри было жареное мясо оленя. Вчера, когда он вспомнил о своем очередном дне рождения, он решил что на этот раз отметит его так: с утра встретит рассвет, насладится спокойствием мира на холме, поработает со своей тетрадью и поест. Как раз утром в ловушку попался олень, довольно редкая в этой местности добыча.

К вечеру он уже разделал тушу и пожарил одну ногу, остальное сложил в доме в комнату, которая служила холодильником.

В последнее время он редко употреблял пищу. А когда все-таки ел, то скорее для того, чтобы почувствовать вкус, а не насытиться, и это было редкостью в новом мире.

Однако, сейчас мясо приятно порадовало его. Оно было превосходным, просто замечательным.

Мысли его текли в том же направлении. Те люди из прошлого и не думали, как сильно они зависят от цивилизации.

Для них многие вещи, такие необходимые в каждодневном использовании, были настолько доступны, что когда цивилизация в привычном понимании рухнула, люди были морально уничтожены.

Добыча пищи для человека времени расцвета (так он обычно в рассуждениях называл начало XXI века) превратилась в простую процедуру обмена ее в магазине на универсальный товар – деньги. То же касалось и всего остального – мебели, одежды, а что там еще было в обиходе людей в то время?

Он помрачнел на секунду от этой мысли. Ему не нравилось думать о себе, не как о человеке, а о людях, как о существах, которые словно стоят ниже по эволюционной лестнице и доживают свои последние дни на Земле. Осколки некогда большой и могучей цивилизации.

Ирония, подумал он, злая усмешка судьбы. Чем более благоприятная среда была для человечества, чем лучше были условия для жизни, тем больше люди вредили своей планете, а значит и себе.

Он не хотел сейчас думать о плохом, а тем более про свой Крест. Эти думы следовало оставить до более подходящего момента.

К счастью, времени у него теперь было предостаточно.

Но сегодня был его день рождения, особый день года, и сегодня он решил не заниматься делами, ставшими столь привычными для него в последнее время. О своих ежедневных поисках он тоже не хотел сейчас думать.

А между тем солнце потихоньку шло на запад. Тени снова удлинялись, начало припекать спину.

Он поднялся с земли и стал спускаться по склону к руинам города. Уже в самом низу он достал из кармана своего плаща небольшое устройство, которое удобно помещалось в ладони. Нажав несколько кнопок, узнал время и оставшийся солнечный день, и тут же забыл и то, и другое.

Прошла целая эпоха с тех пор, как он понял, что для него уготована особая роль, а до этого – еще одна, в то время он только осознавал свою цель в этом мире.

За долгие годы он научился быть не просто терпелив – он был словно древняя секвойя, что растет сотни лет, а тем временем мимо нее проходят жизни людей, сменяются правители, и вся эта людская суета становится не более, чем мелкой рябью на поверхности моря или перекачиванием песчинок в пустыне, когда подует слабый ветерок.

Гораздо больше его беспокоило другое. Его карманное устройство, по которому он определял время и множество других вещей, связанных с часами, было чем-то вроде персонального цифрового помощника, мини-компьютера с множеством функций, которые вдруг стали столь полезны человеку, пережившему войну и ее последствия.

Такие устройства активно использовались в XXI веке, однако, куда их применению тогда до теперешней важности!

В том старом, довоенном обществе многие члены социума находились в постоянной связи с системой обеспечения связи, так они могли передавать сообщения друг другу или сигналы бедствия, находясь в любой точке Земли, которую покрывало поле действия специальных вышек и спутников связи.

А эти карманные компьютеры, «наладонники», как их называли в том далеком прошлом, были всего лишь еще одной игрушкой технического прогресса, и люди использовали их для чтения больших текстов известных среди них членов общества, в том числе, и уже умерших.

Тогда еще было живо понятие «книга», как стопка бумажных страниц. Он не знал, есть ли еще где-то место на планете, где бы сохранилась хоть одна целая книга. Настоящая книга, с бумажными страницами, переплетом, обложкой из твердого картона. Он сильно сомневался, что оставшиеся люди смогли бы сохранить хотя бы одну. И дело было не в том, что они были какие-то особенно глупые или дикие. Нет, многие сообщества оставшихся людей были чрезвычайно хорошо организованны и неплохо оснащены оружием, техникой и едой, скорее, сохранить в целом виде книгу было бы непросто за столь долгий срок без специальных условий хранения.

Но с другой стороны, ведь были же найдены древние свитки и книги, возраст которых исчислялся сотнями, а то и тысячами лет. И при определенных условиях они когда-то содержались в музеях в целостности.

Так почему бы не сохраниться столь важным документам, как скажем, декларация независимости Америки?

Ведь они наверняка хранятся где-то в герметичном боксе в музее под стеклом, возможно, в подземных бункерах или архивах. Забавно.

Он привык к своей жизни. Как бы она не менялась за последние годы, для него оставались неизменными всего три вещи: работающий наладонник, крепкий кожаный плащ и удобная сумка для всевозможных полезных вещей.

У него было много всякой всячины, собранные за долгие годы скитаний по разрушенному человеческому миру, он нашел и собрал целую пригоршню в своей сумке.

Помимо наладонника, там были нож, набор пузырьков с сильнодействующими средствами различного назначения, бинокль, маленькая бутылка со спиртом, небольшая коробочка с таблетками, каменная фигурка женщины, и еще пара мелочей, которые также зарекомендовали себя, как полезные и незаменимые.

Также у него были наручные часы из прочного серебристого металла, амулет в виде египетского креста, который он носил на шее, и стальной меч в ножнах на поясе.

Этакий рыцарь заката человечества.

Он бросил взгляд на север – оттуда размеренно шагала мужчина. Он мгновенно распознал его: черная грубая меховая куртка, темные брюки невнятного болотного цвета, какие-то перебинтованные сапоги с торчащими тут и там клочьями меха. Мужчина был высокий, подтянутый, но имел вид старца, хотя на самом деле ему едва исполнилось тридцать пять. Лицо его было грубым, застывшим, нижнюю половину скрывала густая черная с сединой борода.

Его стальные глаза смотрели прямо, этот взгляд сразу давал понять, что с его обладателем можно говорить о серьезных вещах, в нем была сила. А винтовка, которую он сжимал в большой руке, не давала повода в этом усомниться.

Пока мужчина приближался, он смотрел в небо, прорываемое потоками солнечного света.

Да, вот он идет, этот представитель нового человечества. Ученые времени расцвета цивилизации часто любили сравнивать эволюцию общества либо со спиралью, когда развитие идет виток за витком, но каждый раз проходит через одни и те же похожие состояния, либо с башней, которая все росла и росла по мере того, как человечество получало все новые знания, новые технологии и возможности.

Пока, наконец, не рухнула, задавив человечество и рассыпав его на миллион крошечных острых осколков.

Он, конечно, сразу узнал мужчину, что подходил к нему. Это был Бернос, лидер общины, что жила в руинах города.

Все-таки ему не хотелось признавать, что мир так изменился и потускнел, что люди вернулись в какое-то подобие средневековья. Конечно, они стали не племенем в каменной пещере с дубиной, а скорее общиной в полуразрушенных домах прошлого с обломками высокотехнологичных предметов, которые они нашли на руинах.

И если Бернос был их лидером, то человек, к которому он шел, был их духовным наставником, пастырем в это темное время и сторонним наблюдателем.

Он часто беседовал с людьми сообщества, особенно с Берносом, правда, обычно он говорил мало, и только в редкие дни кому-либо доводилось услышать рассказ о былых днях.

А уж о том, кто он был и откуда пришел – никто не знал и подавно. Потому как пришел он в этот город по человеческим меркам довольно давно, хотя и не находился в нем постоянно.

А он помнил, каким ребенком был Бернос. Мальчик рос смелым, храбрым, при этом проявлял отличные умственные способности, был справедлив и честен.

Бернос напоминал ему былины о витязях древних времен – таких сильных, верных и справедливых, одновременно суровых и способных на милосердие.

И однажды его отец стал слишком стар, чтобы быть лидером. Жизнь утомила его. И тогда его место занял Бернос.

Годы не щадили никого. Почти никого.

–Доброго дня тебе, мудрец!

Бернос обратился к нему и слегка поклонился.

Он повернулся к Берносу и кивнул в ответ.

–Мы помним, мудрец, что сегодня великий день. Сегодня сто четвертая годовщина того дня, когда ты пришел в наш город. И с тех пор ты всегда поддерживал нас словом и делом и ничего не требовал взамен. За это мы тебе будем всегда благодарны. И сегодня мы снова хотели преподнести тебе дар, хотя помним, что ты не принимаешь от нас даров.

Бернос смотрел прямо в глаза.

–Мы почли бы за честь, если бы ты сегодня пришел к нам и рассказал что-нибудь о прошлых временах, когда люди правили планетой.

–Бернос, друг мой. Люди никогда не правили этой планетой.

Он мягко улыбнулся.

–Да, действительно, сегодня и правда сто четвертая годовщина. Именно столько прошло с тех пор, как я пришел сюда.

Однако, я могу сказать и больше. Сегодня мой день рождения. Да, именно день рождения, много лет назад я был рожден и с тех пор каждый отмечаю эту дату, проводя время необычным образом.

Бернос изумленно смотрел на него, выпучив глаза. Его шокировала неожиданная откровенность, и более того – новость о том, что их мудрец – простой человек из плоти и крови.

Надо сказать, что многие жители считали его наполовину богом, духом или еще какой-нибудь сверхъестественной силой.

–Но... Но не будешь ли ты еще откровенней со мной, мудрец, и не скажешь ли, сколько тебе в точности лет?

Он перевел взгляд на одну особенно большую дыру в черных тучах.

Была весна 2999-го года. Планета неспешно летела сквозь бесконечное пространство и несла его на себе в вечность.

Его имя было Джехути. Это имя он не получал при рождении, оно было выбрано им позднее.

Он жил и рос, учился. Пока не пришли люди, которые хотели его уничтожить, а помешали им другие люди, которые стремились защитить его.

И Джехути жил, а другие вокруг него умирали.

Время щадило его, Джехути знал, что благословлен долголетием.

Однако, спустя еще несколько лет он понял, что не просто прожил долгую жизнь – никогда еще не было подобного, чтобы человек прожил сотни лет и остался молод.

Правда, живя так долго, трудно ничему не научиться. А он был умен и в свою юность часто сетовал на то, что видел и понимал слишком много.

Как же он ошибался! Через триста лет он просто заходилась иной раз от смеха, вспоминая себя в молодости.

Говорят, что некоторые старики к восьмидесяти годам набирают достаточно жизненного опыта, чтобы он перешел в мудрость.

А что бы вы сказали об опыте столетий?

Порой он думал о людях, измученных многолетней болезнью или старостью, желающих найти свой покой. Даже им было бы трудно понять ту усталость, что нес Джехути.

Он улыбнулся и снова перевел взгляд на Берноса. Затем тихо проговорил:

–Друг мой, прежде чем я отвечу тебе, я хочу кое-что показать. Взгляни туда.

Он указал рукой на западный край неба над холмами, где сквозь дырявую мешанину туч проглядывало великое светило.

–Что ты видишь?

Мужчина был нетерпелив, молод и горяч. Он сам был словно винтовка, что сжимала его рука.

–Я вижу голую землю, проклятые тучи и крошечный край солнца. А что видишь ты, мудрец?

–Если я скажу тебе – ты не поймешь, потому что я прожил куда дольше тебя. Но я могу сказать, чего ты не видишь. Ты не видишь надежды, что дарит это солнце.

Запомни, друг мой. Чтобы наслаждаться целым, иногда достаточно видеть лишь часть.

Тогда Бернос спросил его:

–Скажи, мудрец, не знаешь ли ты, почему на нас пало это проклятье, почему нам довелось жить в такую жестокую эпоху? Неужели тяжесть грехов наших предков столь велика? Как случилось, что весь наш разум не уберег нас от катастрофы?

–Прежде, чем я отвечу тебе, Бернос, давай-ка присядем.

Джехути указал рукой на холмик неподалеку. Туда они и направились. Уселись на черную землю с пожухлой травой, после чего Джехути, вздохнув, вынул из своей сумки длинную деревянную курительную трубку, не спеша набил в нее табак и задымил.

Скосил глаза на Берноса, во всем облике которого читалась нетерпеливость, но, тем не менее, молчал.

–Я вижу, друг мой, что тебе не терпится услышать от меня ответ на свой вопрос. Но позволь сначала напомнить тебе: от моего слова мир не станет другим, небо не рассеется, а поля не заполнятся пшеницей. Так почему ты столь тороплив?

Вот тебе совет. Не торопись жить. Иначе однажды ты поймешь, что так торопился, что пропустил все, и останется тебе только горевать и вспоминать ушедшее.

Ты спросил, за что нам такое проклятье? Ты не видел, что сотворили с нашей планетой твои предки. Если ты ищешь грехов, за которые человечество стоило бы наказать, я могу как-нибудь рассказать тебе о тех злодеяниях, что творили люди, о той безнравственности, что была в обществе. Но я долго жил, и понял, что без этого человек не может, такова его жадная природа. Так он выживает.

Так скажи, нужно ли наказать людей за то, кем они являются? Погоди, не отвечай.

Ты сказал также, что видишь кусок солнца сквозь разорванные облака, обрывки неба и еще что-то. Пойми ты и вот что: за этими облаками всегда есть солнце и голубое небо.

При этих словах он улыбнулся и выпустил колечко дыма.

–Нужно лишь помнить об этом.

Джехути похлопал по плечу Берноса, затем выбил трубку о подошву сапога и убрал ее обратно в сумку.

–Не думай слишком много об этом всем. Мир велик и безграничен, всех его истин не дано постичь ни мне, ни тебе. А сейчас давай вернемся в селение – ведь уже почти стемнело.

По ночам было опасно в одиночку уходить далеко от селений – дикие животные жили здесь в достаточных количествах.

Бернос кивнул и поднялся с земли, отряхнул свои брюки из охряной мешковины, и они побрели в сторону деревни на север по остаткам улицы города, когда-то сиявшего башнями из стекла и бетона.

Часть первая. Перерождение

Игорь

Тонет солнца апельсин

В водах моря чистых

И играет на стене

Зайчиком лучистым.

Воробьи собьются в стаи

Протрубят по-своему,

Полетят в далеки края.

Сделай все по моему!

Сделай так, как я прошу,

Улетай-ка с ними.

...

Здесь Игорь запнулся и отложил ручку. Что-то сегодня ему положительно не приходило ничего путного в голову! Надо же, что придумал – начать писать стихи, черпая вдохновение из окружающих предметов! Вот сейчас, например, его взгляд упал на старый деревянный стол у стены. Но он и так понимал, что из него стихов хороших не получится.

Гена тряхнул пышной шевелюрой и усмехнулся. Он тоже жил холостяком в соседней квартире и часто заходил к Игорю под разными бытовыми предложениями, всегда оставаясь на чай и поболтать. Тем не менее, дружбы у них не выходило.

– Ну что, как там стихи про попугая?

Он насмешливо кривил губы. Игорь только отмахнулся и снова уставился на предмет спора – маленького волнистого попугайчика в клетке.

Дружба бывает разных видов. Бывает она крепкая и обстоятельная, как у тех мужиков с картинки, которые собираются то в бане, то на рыбалке, то в гараже. А бывает ситуационная, как была у Игоря с Геней – вроде друзей с работы, с которыми общаешься каждый день, но никогда не зовешь домой. Или соседей по дому, которых не пригласишь на день рождения. В общем, ограниченная такая дружба.

Недавно Игорь признался соседу, что иногда пишет стихи. И вот вчера на празднике в честь чьего-то дня рождения (Игоря притащил туда Гена, который хотел, чтобы тот развлекался и отдохнул) после изрядных возлияний они затеяли спор о том, откуда берется вдохновение или о чем-то таком – они не очень четко помнили прошлый вечер.

Короче говоря, Игорь должен был написать стихи о чем-нибудь обычном, типа стола, стула или попугая. И выходила откровенная чушь. Хотя возможно в этом была виновата вчерашняя водка, которая еще не полностью покинула обитель прекрасных мыслей.

И вот сейчас Игорь никак не мог придумать дельной рифмы к слову «прошу» так, чтобы не сломать всей картины. Тут он глянул в потолок и, издав победный клич, повернулся к окну, схватил ручку и быстро дописал:

В сердце я тебя ношу,

До свиданья милый.

Последние строчки, так удачно звучавшие в голове, совсем не позитивно отозвались на бумаге. Выходил какой-то гимн сумасшедшего орнитолога, к тому же он до сих пор не написал, кто это должен улететь.

Стихи про попугая не выходили. Он стал напряженно думать дальше.

Игорь (его фамилия сейчас совершенно не играет роли) жил в Санкт-Петербурге уже десять лет, приехал учиться в университете и после остался.

Он решил выйти на улицу, чтобы проветриться, подышать воздухом и набраться свежих идей и впечатлений. Игорь встал из-за стола и подошел к окну. Теплое весеннее солнце уже набирало силу, и деревья стали оттаивать, набирать здоровый цвет и потихоньку возвращаться к жизни.

– Знаешь, я, пожалуй, пойду пройду. Что-то тяжело после вчерашнего.

Гена понимающе кивнул и встал, улыбаясь:

– Ладно, алкоголик, до скорого. Зайди, как допишешь свой шедевр про птичку.

Игорь кивнул уходящему и приоткрыл окно, в лицо ему дохнул сладкий после душного помещения апрельский воздух.

Он быстро оделся и перед выходом глянул в зеркало. На него смотрел молодой человек с серо-синими глазами, аккуратными чертами лица и каштановыми волосами. Игорь осмотрел

себя и нашел, что выглядит он хорошо, а лицо его источает жизнерадостность. Несмотря на тяжелое состояние души после вечеринки.

Однако, что-то тревожило его именно сегодня. Он смотрел на себя и словно видел под маской обычного человека кого-то другого, незнакомца. Будто его лукавые искорки скрывали вековую мудрость и серую сталь этих незнакомых глаз. До того это было странно и неожиданно, что Игорь даже испугался, не повредился ли он головой.

Молодой человек отмахнулся от наваждения и, схватив ключи с крючка, вышел из дома.

Снаружи было достаточно тепло, и он сразу пожалел, что одел пальто. Однако, возвращаться не хотелось, и он отправился дальше.

<Приятная и расслабленная обстановка прогулки невольно навевала ностальгические мысли. Игорь вспомнил, как он приехал в Санкт-Петербург. Тогда он был еще совсем юным и столь наивным.

Тогда стоял столь же теплый и приятный денек, как и сейчас. Игорь с родителями сошел на платформу с поезда и помог спустить чемоданы. Мир казался ему таким интересным, неизведанным и многогранным, а сам он чувствовал себя полным энергии и готовым к свершениям.

Родители смотрели на Игоря и улыбались. Он был талантлив, красив и давал им множество поводов гордиться собой.

Жизнь завертелась. Игорь много времени посвящал учебе, потом стал работать – занимался всем, что попадалось под руку. С учебой он справлялся легко, работу менял часто, но всегда справлялся отлично. В нем был некий талант невероятно быстро обучаться и постигать практические навыки, потому всякий раз Игорь с успехом выполнял поставленные задачи.

И все же он чувствовал, что все, что он делает, не ощущается стоящим, чем-то по-настоящему интересным.

А потом родителей не стало. Вдруг в один день они оба покинули этот мир. Игорь был раздавлен, в одночасье его окружила полнейшая тоска и апатия. Нескоро он смог вернуться к привычному для себя образу мысли, но даже сейчас, спустя несколько лет, потеря все еще терзала его иной раз.

С утра он ничего ел, поэтому остро ощущал запахи. Когда мимо по двору проехала машина, он поморщился от едкой бензиновой вони. И подумать только, ведь в детстве он любил этот запах!

Игорь вышел на улицу, прошел мимо газона, на котором были разбросаны горсть семечек и кусок зачерствевшего батона, вокруг которого пировали голуби. Подойдя слишком близко, он спугнул их, и в воздух взметнулся, шелестя крыльями, сизый рой.

Он прошел пару кварталов, когда началось это.

Сначала ничего необычного он не заметил, так как был погружен в мысли. Но минуту спустя, когда он наткнулся на внезапно остановившихся людей, он понял, что что-то не так.

В воздухе стоял странный гул, люди вокруг испуганно озирались. Из-за угла показался бронированный черный автомобиль неизвестной Игорю конструкции. Снаружи он напоминал черный танк, поблескивающий на солнце бронированными боками. Только в отличие от армейской версии, этот танк был более проворным. Он двигался на колесном ходу, однако колеса были необычными – почти всю боковую поверхность прикрывал бронелист, а боковая поверхность напоминал соты из жесткой резины – такую покрывку невозможно было испортить проколом.

На палубе черного танка была поворотная башня с пушкой, пулеметом и трубками для выпуска тепловых ловушек.

Люк странной машины откинулся и из него показался человек в черной форме – нечто вроде армейской экипировки с защитными элементами на плечах, шее и руках. На голове человека был черный шлем, лицо закрывала защитная маска. Он посмотрел на Игоря, и тому показалось, что под маской глаза неотрывно следят за ним. Мгновение тянулось, Игорю стало

страшно, и он вдруг словно увидел все со стороны: молодой человек в свитере и светлом пальто стоит, держа руки в карманах. На лице его написан неподдельный ужас, словно он понимает, что черная машина пришла именно из-за него. В двадцати метрах от него стоит огромный танк, и высунувшийся из люка человека плавно, словно в замедленной съемке, поднимает руку, чтобы показать на Игоря.

Но что это? Кто они? Зачем они здесь?

Игорь был простым человеком, он работал в большом городском центре по ремонту автомобилей, чинил там компьютеры и настраивал оборудование. Он вел блог, писал о поэзии, сочинял посредственные стихи. Жил практически все время один в тихой однокомнатной квартире, которую снимал вот уже четвертый год. Ни одна из его подруг не занимала высоких должностей и не имела влиятельных друзей. По крайней мере, он не знал о таком. У него самого тоже не было влиятельных друзей или связей в высоких политических или бизнес кругах.

Кому он мог быть нужен настолько, что бронемашина с экипажем, наплевав на все правила, приехала по городу за ним лично? То, что они явились по душу Игоря, он уже не сомневался.

Его родители, пока были живы, жили в далеком провинциальном городе и также были рядовыми российскими гражданами.

В голове Игоря быстро прокручивались события и факты из его жизни и его семьи, но ничего такого, что могло бы вызвать интерес армии или спецслужб, или даже террористов, он припомнить не мог.

Время снова ускорилось, вернулось к обычному ходу. Бесконечно долгий глухой удар сердца наконец закончился. Боец на бронемашине исчез в люке, и машина рванулась с места в сторону Игоря. Главное орудие на башне машины сделало выстрел – мимо Игоря со свистом пронесся снаряд и ударил в стену дома позади него.

Раздался взрыв, Игоря швырнуло на мостовую, от грохота заложило уши. Прямо перед носом приземлился обломок стены. Неожиданно он почувствовал прилив сил, сердце зашлось, словно в барабанном соло, Игорь вскочил на ноги и бросился за угол, стараясь не попасть под обстрел бронемашины.

"Стрелять из орудия по одному человеку? В городе? Посреди людей? Это совершенное безумие! Столько свидетелей! Кто? Зачем? Безумие!" Мысли его неслись вместе с ним, он не мог понять, зачем нужно вот так убивать человека прямо на улице. И почему этого нельзя было сделать иначе.

Он обернулся на бегу. Бронемашина снова показалась в поле зрения и наводила свое страшное орудие. Игорь ускорился, но до следующего спасительного угла было еще около двухсот метров.

Он зажмурился.

Судьи

Старейшина Ниак проснулся от стука в дверь. Он резко приподнялся на кровати и поглядел на старинную дубовую створку двери – от ударов по ней металлическое кольцо подскакивало со звоном.

Он прочистил горло и зычным, начальственным голосом крикнул:

– Войдите!

Дверь отворилась, и в проеме показался невысокий мужчина в возрасте в старинной одежде: на нем были грубые высокие кожаные сапоги, какие носили моряки в старину, полотняные темные штаны и рубаша с распущенным воротом. Поверх одежды на нем был накинут короткий плащ, завязанный золотым шнуром. Человек был совершенно лыс и носил острую испанскую бородку и изящные черные усы. Глаза его горели возбуждением, как и его богатые перстни на пальцах.

Старейшина обратился к нему первым:

– Я вижу, что тебя привело что-то срочное. Говори скорее, Гор.

Лысый мужчина с поклоном торопливо заговорил:

– Старейший, пришла весть о новом Судье. Он только что был инициирован.

– Судьи появляются в нашем мире не столь уж редко, пусть и по меркам людей не столь уж часто, неужели ты разбудил меня из-за такого пустяка? Не вселяй пустую надежду в мою старую душу, Гор.

– Старейший, мы должны забрать его и проверить сами, но пока мы склонны считать, что он не просто Судья, а...

– Молчи, ни к чему произносить это вслух. Дай мне минуту, и я отдам распоряжения.

Гор был взволнован, это было видно по его расширенным глазам и тяжелому дыханию. Старейшина с редким для себя удивлением отметил, что давно не видел Гора таким – этот древний человек бывал в ужасных передрыгах и оставался спокойным и рассудительным, однако, сейчас его действительно было не узнать.

Старейшина произнес негромким властным голосом:

– Слушай меня, Гор, и исполняй мою волю и то, ради чего мы служим.

Лысый Гор никак не мог перестать поражаться тому, как звучит голос Старейшины и как его облик поразительно подходит к нему. Ниак выглядел как мужчина сорока пяти или пятидесяти лет – немолодой, но еще крепкий. В свете зажженных ламп были видны гладкие блестящие черные, как крыло ворона, волосы, которые переходили в белую, почти снежную седину на висках и затылке. Все лицо Старейшины и особенно его глаза источали силу, мудрость и несокрушимость – в его глазах словно таилась бездна времени, и казалось, что если продолжать смотреть в них, можно потерять силу воли и полностью подчиниться.

Хотя Старейшина и спал, он был одет в черную робу с капюшоном, которая опустилась до пола, когда он встал с кровати. При этом было видно алую бархатную подкладку робы.

Старейшина не спеша обулся в мягкие кожаные туфли и продолжил с легкой улыбкой.

– Иди и собери совет – пусть будут Эрнест, Джон, Медведь, также позови моих сыновей. И еще, пожалуй, пусть Змей.

Гор с поклоном удалился. Он уже успел восстановить самообладание и теперь решил полностью реабилитироваться в глазах Старейшины.

Ниак в задумчивости прошелся по комнате.

Хотя слово "комната" плохо подходило для этого помещения. Скорее это можно было назвать залом – помещение было около пятнадцати метров в длину и десяти в ширину. Потолок уходил далеко ввысь, теряясь где-то во мгле. Войдя в этот просторный зал, гость попадал в покои самого Старейшины – здесь он спал и иногда работал. Хотя часто его можно было найти в библиотеке, командном пункте или на собраниях, здесь также были устроены огромные стеллажи вдоль одной из стен, заполненные разнообразнейшими томами, как старыми, толстыми фолиантами в потускневших, истрепанных переплетах, так и новые книги, написанные современными писателями, мыслителями.

Стеллажи располагались по всей левой от входа стене – тома составляли пеструю мозаику, пересеченную темными от времени полосами дубовых полок. На правой стороне находилась кровать – вполне обыкновенная деревянная кровать с белыми простынями и подушками. Когда Ниак подошел к стене и нажал на небольшой тумблер, кровать плавно уехала в стену, расширяя пространство зала. Дальнюю стену всю завешивали тяжелые портьеры – они ниспадали с высоты потолка благородными бордовыми волнами.

В раздумьях Старейшина прошел по комнате мимо кровати, мимо тяжелого письменного стола с разбросанными по нему схемами и документами и, протянув руки, с усилием отдернул занавеси в стороны. Они разъехались с глухим шелестом ткани по полу и открыли огромное окно. Снаружи уже наступало утро, солнце поднималось из-за гор.

Ниак распахнул окно и с той же легкой улыбкой, которая не покидала его с того момента, как он услышал новости от Гора, осмотрел вид.

Окно его кабинета-спальни находилось в самой высокой башне замка, на высоте около семидесяти метров над землей. Обычно же хозяин замка находился в другом зале, что находился в основной части здания на втором этаже, где также был доступ к документам и место для работы. Замок снаружи выглядел настоящей средневековой крепостью – он частично состоял из восстановленных стен древнего замка, имел четыре башни по периметру и одну высокую в центре. В этой высокой башне и располагалась спальня Старейшины.

И хотя замок был похож на музейную древность, глуп был бы тот, кто попытался бы захватить его, даже будь его обитатели простыми людьми.

Замок представлял собой прикрытие для целой базы операций – его стены были усилены композитной многослойной броней и могли выдержать огонь артиллерии. Окна выглядели обыкновенными стеклопакетами, но также были весьма необычными – пакет окна набирался из пулестойкого стекла и новейшей секретной разработки – прозрачной стали. Ее производство стало возможно благодаря последним достижениям в оптике и метаматериалах. Сами Судьи сумели получить подобное лишь недавно и пока не поделились с миром этим даром.

Три надземных этажа замка содержали исключительно утилитарные помещения – кухню, спальни, обеденный зал, бассейн, лабораторию с моргом, арсенал. Но замок таил в себе многое, и самые большие тайны лежали под землей.

Перед крепостью располагался большой двор, где сейчас, несмотря на раннее утро, глубокий снег и мороз, занимались физической подготовкой Судьи-солдаты. Двор заканчивался длинным гаражом, напоминающим пожарную часть – невысокое двухэтажное здание с множеством ворот для выезда. На крыше замка имелись две вертолетные площадки с готовыми к вылету машинами – небольшой черный боевой вертолет с новейшей системой невидимости и транспортный вертолет защитного зеленого цвета. Сейчас они были укрыты брезентом и маскировочной сетью.

За гаражом начинался зимний лес – у опушки были небольшие деревца, толщиной не более запястья, но, уходя вглубь, они становились выше и толще, пока, наконец, не смыкались в сплошную темно-зеленую хвойную крону над длинными темными прямыми стволами.

Замок находился высоко в чаше среди гор – гряда была видна из окна и создавала восхитительный пейзаж, особенно сейчас, когда солнце только поднималось над вершинами. Горы были и позади замка, прикрывая его тыл и вставая огромной скалистой стеной. Таким образом, из низины вела всего одна дорога (если не считать возможности улететь на вертолете) – замок был хорошо скрыт и в случае нападения мог легко держать оборону. А продвинутые системы защиты практически не оставляли шансов неприятелю.

Старейшина захлопнул окно и, повернувшись, направился к двери. Проходя мимо стола, он схватил наладонник и сунул его в карман рубы. Затем он подошел к шкафу, вмонтированному в стену, и переоделся – темно-синий костюм и белую сорочка.

Выйдя из двери спальни, он вошел в просторный лифт, весь переливающийся бликами полированной стали, спустился на первый этаж и направился в арсенал.

Арсенал служил не только хранилищем оборудования и оружия, но и содержал самую разнообразную одежду и спецснаряжение, которые могли понадобиться командам при выполнении задания.

Ниак поздоровался с хранителем арсенала – темнокожим лысым мужчиной в толстом темно-синем комбинезоне.

– Приветствую тебя, Лукас. Сегодня нам понадобился много всего из твоих запасов – возможно, кто-то из старших отправится на задание лично. Поэтому будь так добр, начинай готовить основное снаряжение уже сейчас. Защитные комбинезоны, винтовки, рации.

– Слушаюсь, Старейшина. Я все понял, приступаю.

Ниак направился в зал собраний. Он не спешил, поэтому вышел из замка и прошел по чистому снегу прежде, чем направиться на встречу. Ему нравилось, как снег блестит и играет на солнце, как он тихо хрустит под подошвами его мягких туфель. С момента, когда Гор принес ему новости о Судье, прошло уже более часа. Годы жизни научили его не торопиться, когда этого можно избежать – излишняя прыть унесла многих его соратников и стоила дорогих ошибок, которые потом приходилось исправлять долго и затратно. Однако, новый Судья должен быть найден в ближайшие два – три дня. Иначе его достанут другие.

Чистота

Отец Михаил стоял на коленях и молился. Его гладко выбритое лицо было безмятежно, глаза прикрыты, губы безмолвно произносили слова молитвы, и после каждой из них он произносил девиз общества:

*Чистота внутри нас,
Тьма снаружи нас,
Господь уберезет Его последователей,
Если они будут нести чистоту.
Горе тому, кто встанет на сторону тьмы.*

Миссия отца Михаила была трудна и требовательна к времени и ресурсам, однако, он не жаловался и действовал спокойно и методично.

Он стоял на коленях, крепко сцепив пальца в черных кожаных перчатках. Его одежда была вся темных оттенков: черные военные ботинки с высоким голенищем и со шнуровкой, черные брюки с защитой коленей, темно-синяя куртка, усиленная мягкой броней. На бедренной кобуре тусклым блеском переливался ствол пистолета FN "Five-Seven" – маленькой, но очень опасной вещицы. Единственным светлым пятном на этом человеке были его русые волосы и светлые, почти белые глаза.

Он стоял на коленях у алтаря в небольшом каменном зале. К алтарю вели три небольшие ступени, а сам алтарь представлял собой гранитный пьедестал с наклонной площадкой для книг. Там находилась Библия Чистоты – огромный древний том, существовавший во многих экземплярах, хранившихся в библиотеках общества по всему свету. Однако этот был самым древним и, возможно, тем самым, что положил начало обществу.

Единственное длинное окно заливало помещение мертвенным голубоватым светом. Отец Михаил не зажигал свечей. Ему было достаточно и того малого света из окна.

Позади раздался стук в дверь, почти не видную в приглушенном ночном свете. Не дожидаясь ответа, двери раскрылись и вошла группа из трех человек, одетых также, как и отец Михаил, только вдобавок они несли в руках карабины, а на голове у них были черные шлемы. Один человек шагал по центру, и двое, чуть отстав, по бокам.

– Отец, мы перехватили сообщение этих отродий! Еще один может появиться в ближайшем времени! Отдайте приказ и мы займемся им.

Голос первого вошедшего был хриплым и резким, как карканье вороны.

Отец Михаил медленно открыл глаза, расцепил руки, встал, повернулся и, глянув на вошедших, щелкнул пальцами. Комната тут же озарилась ярким светом ламп на потолке. Теперь он увидел, что вошедшие люди это старшие офицеры под его началом. Впереди стоял дюжий громила с агрессивным лицом, который и обратился к нему. Это был его главный помощник и весьма сильный боец по кличке Азазель. При свете ламп стало видно шрамы, которые тянулись по шее и пересекали его правую сторону лица. Низкий лоб верзили отбрасывал густую тень на лицо, так что глаз его почти не было видно, отчего все выражение приобретало почти звериную форму. Двое других, которые стояли позади, были Борис и Владимир – опытные, немолодые, но очень верные и способные офицеры. Они, как всегда, стояли молча, сложив руки на груди, так что карабины на ремнях свободно висели сбоку.

Они смотрели на отца Михаила бесстрастно, но в душе их копошились сомнения. Светлые глаза его словно таили в себе какое-то демоническое начало, отсутствие жалости. Борис и Владимир уже успели убедиться в том, что отец Михаил не остановится. Даже цена в сотню убитых среди его последователей не была слишком высока, если такой платой покупались победы.

– Отлично, бойцы! Где он?

– В России, Санкт-Петербург.

Отец Михаил кивнул.

– Собирайте команду – пусть они немедленно найдут его и уничтожат.

Он взмахнул кулаком, обтянутым черной кожей.

– А ты, Азазель, возглавишь операцию. Я возлагаю особые надежды на тебя, сын мой. Не подведи меня.

– Слушаюсь, отец. Считайте, что он уже покойник.

Громила плотоядно улыбнулся.

Борис и Владимир переглянулись. Обычно Судью требовали доставить для допроса, но этого обычно не удавалось. В таком случае отец Михаил приказывал уничтожить противника. Но часто Судьи оказывались проворнее, порой забирая новичка еще до того, как орден Чистоты добирался до него.

Если бы отец Михаил мог бояться, то он непременно испугался бы Азазеля. Все в нем было смертоносно – огромного роста, он задевал иные дверные проемы. На руках его бугрились мышцы, а грудь его была словно бочонок. На боку у него висел револьвер пятисотого калибра – страшная пятизарядная машина, способная остановить крупного зверя, не говоря уж о человеке. На груди, поверх разгрузочного жилета был еще огромный нож – тяжелый, блестящий, с долом и зазубренной тыльной стороной.

Отец Михаил нашел его недавно, около пяти лет назад. Азазель (которого по-настоящему звали Роман Успенский) служил когда-то в особом подразделении, но в последние годы промышлял работой наемника. Михаил увидел огромный потенциал этого бойца и то, чего не давали ему прошлые наниматели – цель в жизни. Он рассказал ему о том, как можно помочь сделать мир лучше, как всякие нечестивцы пытаются захватить власть и души людей. И тогда в глазах Азазеля вместо искры ума зажегся огонь веры и фанатизма.

Отец Михаил умел убеждать людей. По крайней мере, он всегда мог определить, насколько легко будет склонить человека на свою сторону.

Он обратился к своим помощникам:

– Вы еще здесь? Возьмите восемь бойцов, бронемашину, вперед! Выполняйте!

Они развернулись и вышли. Дверь захлопнулась.

Отец Михаил нажал кнопку на стене, и свет снова стал приглушенным.

Он подошел к шкафу и достал спутниковый телефон, набрал номер и после короткой паузы произнес в трубку:

– Это я. Что известно?

Неразборчивый и далекий голос в трубке забормотал:

– Выяснил. Он в Санкт-Петербурге, завтра наши придут за ним.

– Хорошо, но эту информацию я уже и так знал. Будь полезным мне и ордену и заслужи прощение Господа, и спасение своей души.

Трубка помолчала и продолжила:

– Я сдам вам всех их в удобный момент. А потом сдам и само местоположение базы. Старейшина теперь почти не выбирается оттуда, так что вы сможете застать его врасплох.

– Отлично! Нам бы очень помог план замка и территории вокруг.

Трубка отвечала сильно искаженным голосом, словно на стороне собеседника работал шифрующий модуль, так что невозможно было даже понять, говорит мужчина или женщина:

– Если сойдемся в цене и условиях.

Михаил слегка повысил голос:

– Не шути со мной, отродье. Будь доволен и тем, что я говорю с тобой!

Трубка ехидно ответила:

– Всеу свое время, святоша. Не надо считать себя умнее всех, вы можете так сильно ошибиться в самый важный момент. Вы получите своих Судей на блюдечке, я – деньги, технологии и замок. Ну все, конец связи.

В трубке раздался щелчок, а затем короткие губки.

Отец Михаил злобно пожевал губами. Затем в задумчивости убрал телефон на место и вернулся к ступеням, ведущим к большой книге.

Встав на колени у алтаря, он снова забормотал молитвы, повторяя девиз:

Чистота внутри нас,

Тьма снаружи нас,

Господь убережет Его последователей,

Если они будут нести чистоту.

Горе тому, кто встанет на сторону тьмы.

Совет

Время словно река. Она неспешно несет свои воды вперед. Но глуп тот, кто считает, что река эта спокойная повсюду. На ней встречаются пороги, быстрые перекаты и водопады. Жизнь человека подобна заплыву по этой реке. Каждый вступает в ее воды в разные моменты и на различных условиях, кому-то достаются спокойное течение и теплая вода, а другому – череда опасных поворотов и приключений. К сожалению, век человека короток. А сам он слеп и не способен разглядеть, что происходит вокруг, ему не успеть познать всего в этом мире.

Человек приходит в мир с незрячим разумом, но полный отваги, безрассудства и желания оставить память о себе и изменить мир. С годами он понимает, что вселенная слишком велика, что охватить мир целиком не удастся, что разум теряет цепкость и становится кувшином, который налили доверху.

Если человек мудр, он обращается тогда к другому пути – не стать вехой в истории, а увековечить себя в своих потомках, воспитать из них настоящих людей, прожить жизнь не ради себя, но ради других. Не постичь весь мир, все знания, а понять то, что действительно важно и нужно. Не стремиться ввысь бесконечно, а свободно и легко парить.

Так мог думать Ниак – и так он думал когда-то. Но со временем человеческие мысли оставили его. То время минуло и почти стерлось из памяти.

А его младший сын, Соломон, еще был в начале этого пути. Ему было только восемнадцать, и он был горяч и импульсивен. Не прошло и года, как Старейшина обнаружил, что его младший сын стал одним из них. С тех пор он постоянно держал его в замке и тренировал. Он хотел направить энергию и гнев сына в нужное русло, заставить этот жар выковать в нем железный характер.

И действительно, Соломон (хотя все в замке называли его Сол) был сильным, рослым и способным в боевых искусствах и стрельбе. Чего ему категорически недоставало, так это усидчивости и рассудительности.

Отец много раз говорил ему, что он будущий лидер, наследник Старейшины и однажды поведет за собой всех обитателей замка. А также намекал, что глупца и ретивца не станут слушать старые и мудрые члены ордена, такие, как Гор или Эрнест. Да и другие из числа Судей будут слушать того, кто говорит голосом рассудка, нежели кулака.

Сол сидел в своей комнате на кровати, отдыхая после тренировки. Он был раздет по пояс, были видны синяки и кровоподтеки на его поджаром мускулистом торсе. Кончики светлых волос блестели от пота, он тяжело дышал.

Сол смотрел в окно, на горы, синеющие вдали.

Металлическая двухстворчатая дверь с едва слышным шипением разъехалась, спрятавшись в стены, динамик у входа издал два коротких сигнала, оповещая о вошедшем.

Сол обернулся и увидел Гора, который стоял на пороге. Он вскочил в присутствии старшего.

– Какие будут поручения, Гор?

– Расслабься, мальчик. Старейшина зовет тебя на совет. Помни, он оказывает тебе большую честь, не подведи его.

Гор с внутренней улыбкой отметил, что парень стоит хоть и смиренно, но глаза его полыхают, как у дикого зверя. "Что ж, хотя бы манеры у него есть", – подумал Гор и, дернув себя за острую бородку, вышел. Дверь с тем же тихим шипением закрылась.

Сол ошалел от услышанного. Его зовут на совет? Да это же просто отлично! Значит, отец, наконец, признал его силу и способности и готов слушать его.

Он бросился в душ, быстро, как ему показалось, привел себя в порядок и, вернувшись в комнату, надел свой лучший наряд.

Сол быстро вышел из комнаты и уже через десять минут был у зала, где проходил совет. Перед дверью он задержался ненадолго, успокоился и распахнул двери.

Зал совета представлялся ему огромным, но в реальности оказался совсем небольшим, скорее уютным. В неярком цветном свете ламп был виден стоящий по центру круглый деревянный полированный стол, за которым уже сидели все участники. Они разместились в удобных креслах, перед каждым стоял компьютер, все сосредоточенно изучали материалы. Старейшина стоял у большой настенной проекционной панели, сложил руки за спину.

Когда Сол вошел, все обернулись на него и потом, словно по команде, вопросительно поглядели на Старейшину. Ниак произнес:

– А, вот и ты, Соломон. Хорошо, что, наконец, изволил присоединиться, теперь мы можем начать. Займи свое место.

Сол посмотрел на часы за спиной отца – он опоздал на свой первый совет почти на тридцать минут! Он сильно смутился, но постарался не подать виду и был готов отстаивать свою гордость. Но никто больше не смотрел на него. Все присутствующие имели весьма серьезные лица и продолжали сосредоточенно изучать документы.

Пока отец начал рассказывать о делах в замке, Сол слушал невнимательно. Его не занимало управление снабжением или задания других бойцов, так что он принялся разглядывать участников совета.

Отец, расхаживающий перед экраном, был как всегда элегантен и строг. Костюм его всегда сидел идеально, седоватые волосы аккуратно расчесаны, волевой подбородок словно высечен из мрамора. Он говорил степенно, не упуская важных деталей, но и не углубляясь в пустые рассуждения или перечисления малозначительных подробностей.

Солу не нравилась манера отца держаться, он считал, что отец ведет себя, как кабинетный чиновник. Сколько времени он уже не выходил из замка? Как он может рассуждать о делах за пределами этих стен, когда сам сидит тут? Как давно он вообще участвовал в операции? Почему он не позволяет Солу быть солдатом?

Его злила эта мысль, отец словно считал его сосунком, неготовым к бою молокососом. А между тем Соломон был одним из лучших новобранцев и редко уступал кому-то в бою на тренировке. Словно бы Ниак удерживал его, не давал раскрыть свой потенциал.

Конечно, Старейшина никогда не говорил ему этого в лицо, не называл его слабаком, не сомневался в его подготовке. Но и на задания не отправлял. Если Сол спрашивал об этом, отец отвечал, что группа уже укомплектована и в ней не пригодится специалист его профиля. Когда Сол начинал возражать или кричать, отец, не поведя и бровью, говорил голосом, полным льда:

– Соломон, вместо того, чтобы тратить силы на пустые пререкания с твоим отцом и командиром, отправляйся на улицу и осмотри периметр замка и гараж. Может, тогда твоя бурная энергия принесет нам немного пользы.

На этом разговор заканчивался.

Сол тряхнул головой, отгоняя эти мысли, и перевел взгляд на первого сидящего за столом.

Это был Гор. Старый, он выглядел полным сил мужчиной. На его лысой гладкой голове не было морщин, кроме тех, что создавали вокруг глаз паутинку хитрого взгляда. По человеческим меркам ему можно было бы дать и пятьдесят, и восемьдесят. Каждый раз, когда Сол разговаривал с Гором, ему казалось, что у того смеющиеся глаза, которые таят в себе много невысказанных секретов. Словно он был полон тайн.

Гор сидел за столом и с непроницаемым лицом смотрел на отца, только глаза его, как всегда, были прищурены. Руки он положил на стол и сцепил пальцы. На обеих руках его были перстни, один золотой, изготовленный в виде печати со львом, другой с крупным изумрудом, похожим на каплю.

Сол не знал его настоящего имени, и никто из тех, с кем он общался, также не ведал об этом. Гор был одним из старейших членов ордена, древнее его был, наверно, только отец. О нем вообще было мало известно, а по манере одеваться и говорить, по усам и клиновидной бороде, по смуглой коже Соломон делал предположение, что Гор родом из Испании.

Сол точно знал, что ему никак не могло быть меньше восьмидесяти лет, так как в записях архива известно, что Гор был участником событий Второй Мировой.

Соломон чуть повернул голову на следующего участника совета. Это был Эрнест. Высокий худой старик с гладкой кожей лица и серыми длинными седыми локонами до плеч. Новобранцы звали Эрнеста Дипломатом, потому что он часто бывал в отъезде по делам, когда его приглашали сильные мира сего, чтобы обсудить очередное поручение. Именно через него орден получал новые "обычные" задания. Под "обычными" обычно подразумевались заказы от правительств на устранение террористов, поиск заложников и другие задачи, обычно выполняемые различными особыми подразделениями и наемниками по всему миру. "Особые" задания подразумевали поиск и захват нового Судьи.

Эрнест был одет в светло-серый костюм в полоску и казался в нем еще длиннее и тоньше. Все его лицо было хищным, рельефным – выступающий породистый нос, рот, кривившийся в ухмылке, глубоко посаженные глаза. Он держал в руке блестящую металлическую бензиновую зажигалку и в задумчивости вращал ее в пальцах.

Солу не нравился Эрнест, он старался поменьше сталкиваться с ним (к счастью, Эрнест часто бывал в отъезде и даже когда бывал в замке, почти не общался с молодыми бойцами). Он не отдавал себе отчет почему, но подсознательно догадывался – Дипломат имел резкий, грубый характер. Удивительно, что именно такой человек представлял их, должно быть, заказчики едва могли терпеть его. Однако, надо было отдать ему должное – свою работу он выполнял безупречно. В нем без труда угадывались тевтонские корни. Новобранцы подшучивали над ним за глаза, но никогда при нем.

Следующим за столом был Джон. Сол мысленно усмехнулся – этот был еще страннее предыдущих: всклокоченные рыжие волосы и бакенбарды, угрюмый вид, потрепанный клетчатый пиджак и старые замшевые туфли. Несмотря на то, что выглядел он, как любитель пабов и кулачного боя, это был настоящий профессионал. Джон Регал (более известный под прозвищем "Палач") выполнял трудные задания, требовавшие индивидуального подхода. Его вид мог одурачить людей, выдав его за простофилю, но Джон был мастером грима, переодеваний и проникновения в запретные зоны. Палачом его звали за характер работы – чаще всего его услуги требовались, когда необходимо было устранить одну сложную цель, не привлекая лишнего внимания.

Джон был неплохим парнем. В основном, все его либо боялись, либо просто сторонились. Но это было лишь влияние его репутации, Соломону иногда удавалось поболтать с ним, и Джон часто был приветлив и мог подбодрить его. Но об этом, конечно, не стоило рассказывать остальным.

Однажды Сол встретил Джона в коридоре, когда тот сидел на подоконнике и курил сигару. Его вид был благостен, и Сол решился заговорить с ним.

– Привет, Джон! Как дела?

– А, это ты, Сол. Ничего, как видишь, наслаждаюсь солнечным деньком и сигарой. Как поживает твой папаша? Тебя еще не просит подметать песок за ним?

И Джон засмеялся.

– Не дрейфь, пацан. Придет время, и ты захочешь, чтобы жизнь шла спокойно. А пока наслаждайся тем, что происходит сейчас. Мы, знаешь ли, нечасто бываем в таком мирном состоянии.

Палач вскочил с подоконника и взмахнул рукой с сигарой, рассыпая пепел.

– Черт, вообще наслаждайся жизнью, парень. Твой отец отличный мужик, только манерный какой-то. Но ничего, он работает для нас. Ну, бывай.

Он похлопал Соломона по плечу и пошел по коридору.

Вернувшись мыслями на совет, Сол посмотрел дальше. Следующим был Медведь. Бородатый, варварского вида мужчина смотрелся необычно среди остальных. Он был невысокого роста, но очень крепкого телосложения – вязаный свитер на его груди был натянут, словно на барабане. Медведь был одним из лучших оперативных работников, его природная сила и выносливость, а также способность быстро придумать выход из самых сложных ситуаций и заслужили ему прозвище.

Дальше сидел, вернее, сидела Змей. Довольно странное прозвище для женщины. Скорее всего, подумал Сол, это было сделано из целей конспирации – чем меньше знаешь своего врага, тем сложнее его победить.

Змей (ее настоящего имени также не знал никто, кроме Гора и отца) сидела в кресле свободно и вольготно, откинувшись на спинку и заложив ногу за ногу. Сол никогда не встречался с ней раньше и потому для тренировки сходу дал описание, опираясь только на внешность: брюнетка, прическа каре, около тридцати – тридцати пяти лет на вид, хотя точно сказать сложно из-за больших темных очков, закрывающих почти половину лица. Что еще? Одета в темно-зеленое пальто и высокие кожаные сапоги. По всему виду можно было бы заключить, встретить Сол ее на улице, что она обыкновенная модница. В реальности, как следовало из открытой части досье, Змей была специалистом по добыче информации. Это означало, что врага она могла найти, идентифицировать, расположить к себе, выведать всю информацию и тихо уничтожить.

Сол тяжело вздохнул и взглянул на последнее кресло за столом. Его занимал брат Соломона, Сергей. Тяжелая история. Сергей был обычным человеком, он был старше Соломона почти на сорок лет и уже был полностью седым.

Сергей дожил до своих почтенных лет, и до сих пор не было никаких признаков того, что он станет Судьей, как его брат и отец. А это значит, что хотя сейчас он выглядит старше Сола, через каких-то пятьдесят лет он, скорее всего, умрет, несмотря на всю развитую технологию медицины, которой они обладали.

Конечно, шанс оставался всегда. Например, Дипломат стал Судьей в преклонном возрасте – около шестидесяти пяти лет. Отец никогда не говорил об этом, но всякий раз, когда бросал взгляд на старшего сына, в нем проскакивала невыразимая тоска и печаль.

Сейчас было не время об этом думать. Сола впервые пригласили на совет, быть может, уже сегодня он получит задание и сможет показать, на что способен.

Он снова поглядел на отца. Оказывается, тот уже некоторое время молчал и смотрел на него.

– Ну что ж, раз уж мы закончили с обычными материями, и к тому же, мой сын наконец-то решил меня слушать, перейдем к основному вопросу.

Как вы все знаете, сегодня Гор получил сигнал о новом Судье. Я бы попросил вас пресекать всевозможные слухи, которые вы можете породить или услышать. Для нас важно то, что это первый Судья за последние два года. И наша задача принять его и защитить.

Сейчас он находится в России, в Санкт-Петербурге. Скорее всего, еще до заката завтра на него нападет группа захвата "Чистоты", и тогда можете забыть о нем. Также велика вероятность того, что именно при контакте с ними он будет инициирован, так что группа должна быть наготове.

Перейдем к задачам.

Медведь, твоя задача самая основная – взять несколько ребят, провести инструктаж и вылететь на место еще до заката. По снаряжению решай сам, кого брать с собой – тоже. Ты в таких делах мастер, разберешься.

– Слушаюсь, Старейшина.

Ниак кивнул ему и продолжил.

– Для всех остальных я хотел бы заметить, что наша основная задача сейчас – это спасение нового Судьи. С каждым, у кого есть идеи, возражения или замечания по этому вопросу, я готов побеседовать лично в своем кабинете.

При этих словах Эрнест поморщился, а Змей повернула голову и слегка скривила губы.

– Остальные задачи для нас менее важны. Тем не менее, наша вторичная деятельность требует внимания. Эрнест, через три дня ты отправляешься на переговоры по новому поручению в Германию. Детали тебе будут сообщены чуть позже. Сейчас я уже точно могу сказать, что потребуются помощь Джона или Змея. Возможно обоих.

Ниак повернулся.

– Кстати, все остальные могут идти. Пока больше никаких новостей.

Сол вскочил со своего места:

– Отец, а как же я?

Старейшина, уже повернувшись к оперативникам, слегка приподнял бровь и посмотрел на неуместное замечание сына. Сергей уже почти в дверях обернулся.

– Да, ты мой сын, Соломон. Но причем здесь это?

– Но как же так? Я думал, ты позвал меня на совет, чтобы дать мне задание...

Сол был смущен, он чувствовал, что краснеет от возбуждения.

– Я пригласил тебя на совет и этим признаю твое место. Или тебе кажется иначе?

– Да, ты, конечно, сделал так, чтобы я участвовал. Но ты сделал это вовсе не потому, что считаешь меня достойным, а просто чтобы бросить мне кость, словно псу! Ты не хочешь, чтобы я оправился на задание!

– Разве я дал тебе понять, что сделаю подобную вещь? Или, быть может, ты решил, что готов уже ко всему, что приготовила тебе жизнь? Сын мой, мы обсудим эти вопросы позже, а пока скажу для всех – я надеюсь, что из тебя вырастет отличный лидер и мудрый Судья. Но пока больше не будет вести разговоры о заданиях.

Медведь повернулся в кресле:

– Парень, поверь мне, не бывает и раза, чтобы не случились какие-нибудь непредвиденные потери. Я бы на твоём месте так не рвался в бой. Послушай своего отца.

Джон прибавил, ухмыльнувшись:

– А если не хочешь слушать старика, послушай хотя бы этого бородатого варвара.

Медведь глянул на него и холодно произнес:

– Не мне тебе рассказывать, Джон Палач, как обманчива бывает внешность.

Сол разозлился и выкрикнул:

– Что за черт? Я лучший боец в этом дурацком замке! Я не трус, отец!

Ниак повел рукой:

– Если ты лучший боец, то мы все слепцы, что не заметили этого и не используем немедля твой талант по назначению. Продемонстрируй нам это прямо сейчас, сын. Уложи Медведя и отправляйся на задание вместо него.

– Хорошо.

Сол чувствовал себя глупо. Он снова повел себя, как рассерженный ребенок. В пылу он произнес совсем не то, что думал. Ведь имелось в виду "лучший новобранец". Отказываться от своих слов было поздно – это означало бы не просто слабость, но и трусость, а также суетливость, которую так не любил и искоренял отец.

Пришлось встать и выйти на открытое место. Медведь не спеша выбрался из кресла, обошел вокруг стола, с жалостью глядя на Сола, и встал напротив него.

Шансы на победу были невелики, сходу оценил Сол – Медведь был опытным бойцом и к тому же весил килограмм на тридцать больше Сола, а уж выносливости ему было не занимать. Значит, единственный шанс был в том, чтобы уложить его быстро, пока есть силы.

Соломон принял боевую стойку и стал по кругу обходить Медведя, тот тоже присел, сделавшись еще ниже и шире, и стал плавно, словно кот, идти назад и вбок.

Когда они сблизились, Сол мысленно скомандовал себе "Сейчас!" и молниеносным ударом ладони, направленным в основание черепа, под ухо сбил с ног Медведя, одновременно блокируя возможный удар второй рукой. Вернее, сбил бы с ног, достигни его удар цели. Но головы противника уже не было на месте. Крупный мужчина двигался невероятно проворно для своей комплекции. Медведь легко ушел от удара в голову и слегка ударил в выставленную ногу Сола. Напряженная нога сразу же сложилась и отозвалась резкой болью. Плавно продолжая движения, Медведь перехватил руку падающего Сола и швырнул его в пол, ускоряя еще больше.

Столкновение было резким, поскольку Сол мог смягчить падение только одной свободной рукой. Он ощутил, как на разбитой щеке выступает кровь и по лицу распространяется тупая пульсирующая боль.

Когда он очнулся от болезненного столкновения с камнем, Медведь стоял рядом и уже протягивал ему руку, предлагая помощь.

Сол буркнул что-то вроде "не нужно", вскочил на ноги и, вытирая разбитую щеку, бросил отцу, меча из глаз молнии:

– Я все понял, Старейшина. Я удаляюсь.

Отец достойно ответил ему:

– Ни к чему впадать в гнев или упиваться гордыней, сын. Потолкуем с тобой после. А сейчас иди.

И Сол, развернувшись, выбежал за дверь.

Марафон

– Эй, вы, на броневике!

Крик раздался откуда-то сбоку. Игорь открыл глаза. Неподалеку стоял еще один автомобиль, но этот больше походил на военный "Хаммер". Из него выскакивали бойцы, похожие друг на друга, как близнецы, в своих темных комбинезонах. Однако, даже с расстояния было видно, что комбинезоны не тонкие, как ткань, а больше походили на костюм, который носят водолазы и дайверы – толстый материал, делающий владельца куда крупнее. Шею прикрывал плотный высокий воротник комбинезона. На голове бойцов были крупные очки, на которых вспыхивали какие-то символы и схемы, но с того места, где стоял Игорь, этого было не разглядеть. В руках у каждого была винтовка с коллиматорным прицелом, а на поясе несколько небольших прямоугольных сумок.

Кричал стоящий впереди кряжистый мужчина с рыжей бородой, похожий на викинга из нордических легенд или Илью Муромца с известной картины. Его винтовка имела подствольный гранатомет, а грудь пересекала лента с запасными гранатами.

Из люка снова показался давешний боец, и теперь Игорь заметил его исполинские габариты и ужасные шрамы на лице. Голос его прозвучал хрипло:

– А, и вы здесь. Отлично, не придется два раза вставать, чтобы убить вас.

Из джипа "комбинезонов" (так про себя назвал их Игорь, чтобы отличать от черных "спецназовцев") один за другим выскакивали бойцы. Некоторые несли легкие щиты, другие – тяжелые винтовки и скрывались за машиной.

Орудие черного танка резко повернулось в сторону новоприбывших, громила на башне схватился за пулемет и прицелился в Игоря. Одновременно с этим рыжий (по всей видимости, он был лидером "комбинезонов") вскинул свою винтовку и выстрелил из подствольного гранатомета.

Граната разорвалась на башне бронемашины с огромной силой, превратив один бок танка в цветок с разноцветными от температурных перегрузок лепестками торчащего металла.

Очередь из пулемета, выпущенная великаном, прошла по стене рядом с Игорем, забрызгав его осколками битого кирпича.

Разразился бой. Игорь, очнувшись, бросился бежать.

Уже добежав до угла, он обернулся. По нему больше не стреляли, так что он укрылся за стеной и взглянул, что происходит позади. А там разворачивалась целая битва.

После попадания гранаты черный танк больше не мог вращать башней, но в наличии "спецназовцев" остался еще бортовой пулемет и семь человек внутри, включая громилу. После попадания все они высыпали из заднего люка и рассредоточились, прикрывая друг друга. В танке остался великан за пулеметом.

Четверо "комбинезонов" укрывались щитами, еще четверо, включая "викинга" (как прозвал Игорь бородатого предводителя) использовали свою машину в качестве укрытия.

Игорь видел, как трижды пули попадали по конечностям "комбинезонов", но признаков повреждений не было – упавшие от пули бойцы через минуту вставали и продолжали стрелять. Наверняка их униформа была бронирована.

Спустя несколько минут, пока Игорь переводил дыхание и пытался осмыслить происходящее, исход битвы еще не определился.

"Комбинезоны" понесли потери в виде двух бойцов, одного раненого в шею осколком и одного убитого попаданием в голову. Товарищи по оружию оттащили павшего за машину. Его светлые волосы залило кровью.

Но и "спецназовцы" не остались без жертв. У них было трое раненых в конечности и ни одного убитого. К тому же громила на танке, наконец, смог развернуть пулемет на башне, и его огневая поддержка стала теснить противников.

Игорь спохватился – ведь это именно он стал причиной этих военных действий прямо посреди города. Но он по-прежнему не понимал, что он сделал и чем заслужил такое внимание.

Он бросился бежать. Лучше убраться подальше, спрятаться, пусть они перестреляют друг друга и никогда не найдут его! Он бежал, стараясь держаться стен и часто меняя направление движения. Несколько раз он пробежал через сложные системы дворов-колодцев, чтобы запутать возможных преследователей наверняка.

Только спустя почти полчаса он вдруг понял, что все это время держал путь к дому. Но Игорь не остановился, пока не оказался у своего подъезда.

Ему в голову внезапно пришла мысль, что если эти люди смогли его найти, значит, наверняка знают, где он живет. Он снова похолодел, но идти было некуда.

Через несколько минут раздумий ушел страх, и пришла решимость. Он поднялся по лестнице и свой этаж и пошел дальше, прошел еще три этажа и постучался в дверь.

Открыл ему помятый мужчина с мешками под желтыми глазами в одной белой майке.

– И... Игорь? Приветствую!

И мужчина торжественно протянул руку. Игорь рассеянно пожал ее и забормотал:

– Петр Иванович, помогите мне, я должен спрятаться, за мной охотятся какие-то люди.

Петр Иванович не любил беспорядка и нахмурился:

– Что еще за люди? Ты часом не пьяный?

– Какой там! Я только из дома вышел, прошелся совсем чуть-чуть и тут такое началось...

Игорь сбивчиво пересказал произошедшее с ним и закончил словами:

– Помогите мне, они наверняка знают, где я живу! Дайте у вас пересидеть, пока они не уйдут. Да, и в полицию звонить надо срочно! Черт, тут, наверно, и войска нужны.

– Ну, будет, будет болтать. Зайди, что-ли, не хорошо так, на пороге общаться.

Тем временем на улице Медведь скомандовал:

– Отступаем!

Команда под прикрытием джипа уходила с огневого рубежа, когда противники скрылись за препятствием, Медведь проговорил:

– Так, насколько я понял, наш претендент ловко сбежал. Судя по тому, что Чистота нас не преследует, им тоже крайне важно найти этого парня, поэтому поступим мы следующим образом. Черт, Карл, дави на газ!

Джип набрал скорость и выбрался на улицу. Медведь указал на бойца, лежащего на полу с простреленной головой.

– Патрик, Оливер, возьмите его и сделайте все, что нужно. Когда закончите, прибыть к точке эвакуации. Остальные со мной едут к следующему наиболее вероятному месту, где мы сможем найти цель.

Через несколько минут машина подъехала к нужному дому.

– Карл, встань сзади, чтобы нас не было видно. Значит так, один остается за рулем, вы двое займитесь нашим трупом, еще одному занять пункт у входа в подъезд, оставшиеся идут со мной. Вперед.

Медведь с группой бойцов плавно и размеренно подошли к входу в подъезд вдоль стены. Войдя внутрь, Медведь подал знак, и один боец спрятался у двери.

– Проходи на кухню, садись, Игорек. У-у-у, да на тебе лица нет, водки выпьешь?

Игорь тяжело сел на табуретку у стола. Петр Иванович сел на другую рядом. Сейчас Игорь заметил, что вид у хозяина квартиры стал несколько запойный – одутловатое лицо помимо уже замеченных желтых глаз, руки мелко трясутся, повсюду грязная посуда и общий вид запущенности на небольшой кухне.

На столе стояла бутылка водки, в которой оставалось меньше половины, и граненый стакан. Не дожидаясь ответа, Петр Иванович взял еще один стакан и, налив водки, пододвинул его Игорю.

– На, пей, хоть придешь в себя.

Словно замороженный, Игорь взял стакан и, резко запрокинув голову, выпил залпом. Тотчас же горло обожгло, но внутри уже разливалось тепло, и спустя несколько минут он почувствовал себя спокойнее.

– Так что ты там кричал про преследователей и полицию?

– Мы должны срочно оповестить всех, что в городе орудует банда...

– Постой, Игорек, что-то мне слышится.

Петр Иванович сделал грозное лицо и вышел в прихожую. Ему слышался какой-то шум из-за двери. Он крикнул:

– А ну пошли отсюда, хулиганы! Я вот вам сейчас устрою...

Что именно он собирался устроить, неизвестно, так как в этот момент раздался компактный взрыв, и всю квартиру заволочло дымом и пылью. Петр Иванович отшатнулся и уперся спиной в стену.

Из тумана, словно смерч, ворвался "спецназовец" и ударом ноги уложил Петра Ивановича, а затем наставил на него винтовку.

Следом в квартиру вошел, почти касаясь головой дверного косяка, давешний предводитель нападавших, громила со шрамом на лице. На нем уже не было маски и шлема, и Игорь смог, наконец, рассмотреть его получше.

Ростом почти два метра, мощный, словно бык, этот человек источал злобу – его холодные глаза смотрели на Игоря с ненавистью и презрением, губы искривила мина отвращения. Три глубоких шрама тянулись от шеи и пересекали всю правую сторону лица, заканчиваясь на виске. Нос был остер, словно клюв хищной птицы, готовящейся атаковать свою жертву.

Он сказал, обращаясь к Игорю:

– Теперь тебе некуда бежать, ничтожество. Ты заставил меня попотеть, но это ничего, сейчас ты мне за все отплатишь.

Он повернул голову и приказал второму:

– Нам этот не нужен! Закончи с ним.

Прогремел выстрел. Игорь видел, как дернулась нога Петра Ивановича. Теперь получается, что он погиб из-за Игоря, а ведь он хотел всего лишь помочь. Бедный старый алкоголик, совершенно безобидный и дружелюбный человек, не повезло ему пригреть змею сегодня.

Великан проговорил в рацию:

– Я взял его. Всем держать территорию под контролем, эти выродки уже наверняка здесь. Затем он обратился к Игорю, цедя слова сквозь зубы:

– Прощайся с жизнью и молись, чтобы Господь простил тебя!

Он достал свой револьвер пятисотого калибра и навел его на голову Игоря.

Огромное дуло смотрело прямо на него, черное отверстие притягивало и источало смерть. Сознание затягивало внутрь, словно в бездну. Или это был эффект водки?

Снова прогромел выстрел. Но Игорь был все еще жив. Мир словно замедлил ход вокруг него, и он увидел, как второй боец в коридоре валится с ног, а на спине у него расплывается кровавое пятно.

Громила инстинктивно дернулся, но тут же выстрелил. Пуля ударила в стену, выбросив целый сноп бетонной крошки. Игорь уже успел завалиться с табуретки вбок, но противник снова прицелился в него, одновременно доставая второй рукой огромный нож.

Но еще раз выстрелить он не успел, так как сзади на него бросился влетевший в кухню "комбинезон". Это был бородатый "викинг".

Если бы это был обычный человек, он непременно упал бы лицом вперед, растеряв свое оружие, но огромный убийца выставил вперед ногу и устоял, в следующую секунду он с размаха ударил ножом вслепую назад, попав в бок "виканга". Он мощного удара у того лопнул комбинезон, сам он отпрянул к раковине, но, кажется, защита спасла его.

Громила развернулся к противнику лицом. Он все еще сжимал пистолет и нож. У "виканга" в руках тоже появился кинжал. Они застыли, как хищники перед броском на жертву.

Великан вскинул руку с револьвером, надеясь быстро избавиться от своего соперника, но нажать на спусковой крючок не успел – кинжал противника молниеносно ударил по внутренней стороне руки, и громила, зарывав от боли, выронил оружие и ответным ударом своего ножа в левой руке снова отбросил "виканга". На этот раз броня комбинезона не выдержала, на груди у него зияла длинная рана с рваными краями, кровь лилась ручьем.

Противники снова затаились, покачиваясь из стороны в сторону. "Викинг" сделал обманный выпад ножом справа и, когда громила подался в сторону, чтобы отразить удар, нанес ногой удар в колено противника. "Спецназовец" глухо рыкнул и, припав на одно колено, нанес защит-

ный удар ножом снизу вверх. "Викингу" пришлось отступить, чтобы снова не попасть под лезвие. Руки великана были намного длиннее кряжистого, гномоподобного "викинга", и ему легко было держать противника на комфортной дистанции. Встав на обе ноги, громила отступил на шаг назад, к окну и ближе к Игорю.

"Викинг" снова пошел в атаку – он ударил ножом прямо в правый бок, но противник был не так прост и увернулся от удара, свободной правой раненой рукой он выбил кинжал, а свой нож он всадил в лопатку "викинга". Исход битвы, казалось, был понятен, но громила слишком рано расслабился, решив, что сгорбившийся противник уже повержен.

Они стояли у окна, и "викинг" внезапно обхватил руками великана за ноги, рывком дернул их вверх и на себя. Громила потерял равновесие и рухнул на оконную раму позади себя, выбил ее своей огромной тушей и вывалился в окно.

Игорь огляделся. В коридоре еще клубился дым, там лежал мертвый "спецназовец", придавив тело Петра Ивановича, кухня была залита кровью и засыпана осколками стекла. "Викинг" тяжело оперся на подоконник и бросил через плечо, тяжело дыша:

– Больше не убегай, Игорь. Мы пришли защитить тебя. Надеюсь, ты видишь, что мы не желаем тебе зла.

Из разбитого окна снова послышался звук боя. Похоже, обе группы бойцов снова схлестнулись.

Игорь вскочил на ноги и выбежал в коридор. Мертвые глаза Петра Ивановича смотрели в потолок удивленно и немного осуждающе.

"Викинг" попытался пойти за ним, но нож в спине мешал ему и лишал сил. Он лишь крикнул:

– Игорь! Стой, ты погибнешь.

Не слушать, наверняка, эти тоже хотят его убить. Игорь махнул головой и выскочил за дверь. Теперь он понял, что это за взрыв – нападающие использовали бомбу для замка, и теперь развороченная дверь болталась на одной петле.

Игорь бросился вниз по лестнице, но вдруг услышал топот. Заглянув между лестничными пролетами, он увидел мельком группу бойцов, поднимающихся наверх. Черные комбинезоны или черный защитный камуфляж? Неважно, и те, и те не похожи на хорошую компанию.

Он повернулся и через три ступеньки побежал наверх. К счастью, выход на крышу был без замка. Он всегда ненавидел бомжей и наркоманов, которые пытались проскользнуть туда, но сейчас отсутствие замка давало ему шанс.

Выскочив на крышу, Игорь сориентировался. Стрельба слышалась значительно реже, но все еще продолжалась. Значит, нужно двигаться к самому крайнему подъезду, подальше от боевых действий.

Он пробежал по крыше и дернул крайнюю дверь. Она была закрыта, но, видимо, от дождя металл совсем сгнил, потому что, когда Игорь дернул еще раз посильнее, дверь поддалась, а вниз посыпались ржавые куски засова.

Он побежал по лестнице вниз. Достигнув выхода, он остановился и перевел дыхание. Выглянул на улицу и осмотрелся.

Все выглядело спокойно, но останавливаться было нельзя. Наверняка, они уже поняли, что Игорь выбрался на крышу, и скоро пойдут по следу.

Он осторожно вышел на улицу. Деревья все так же трепетали тонкими ветками на ветру, они не замечали боя рядом. Их уделом была вечность. Игорь побежал через двор, стремясь скорее затеряться и не стать вечностью.

Повернув за угол, он немного успокоился. Кажется, ему удалось уйти. Он двинулся дальше по улице.

Проходя мимо очередного дома, он внезапно остановился. В воздухе был тяжелый гул. Прежде, чем он понял, что это значит, перед ним из-за угла показался черный танк. Тот самый, с развороченной башней!

Охнув, Игорь отступил и уперся в стену.

Башня танка развернулась. Зияющее отверстие ствола смотрело на него. Раздался оглушительный выстрел, грохот. Игоря взрывной волной швырнуло на землю, лицо обожгло, кирпич разрывался шрапнелью, несколько осколков попали его в плечо и спину.

Одно ухо ничего не слышало. Глаза застилала поднимающаяся пыль. Он увидел сквозь пелену, как люк танка открывается и как оттуда показался боец.

Стена здания, наконец, не выдержала и рухнула, обвалив целый угол здания. Куски стены придавили его, острые края арматуры пробили позвоночник и поясницу, камни же раздробили кости таза, он уже не чувствовал ног. Воздух был переполнен пылью, и воздуха не хватало. "Это конец", – промелькнуло у него в угасающем сознании. Как через вату он слышал громкие хлопки, то частые, то чередующиеся, наконец, его сознание угасло.

Брат

Большая пустая галерея замка была заполнена ярким солнечным светом. Высокое окно, оканчивающееся вверху овальным сводом, все словно сияло, а темные старые дубовые двери становились из угрюмых благородными и элегантными. Современные стальные раздвижные двери из серых и мертвых превращались в яркие, начинали играть искорками на гладкой поверхности металла.

Одна из дубовых дверей в середине коридора отворилась, и из нее показался молодой человек. Выйдя на свет, он провел рукой по коротким светлым волосам, вытер кровь со щеки тыльной стороной ладони. Он был очень хмурым. Тяжело вздохнув, он двинулся было по коридору, но сзади до него донесся знакомый голос:

– Подожди, Сол.

Он обернулся и увидел своего брата, стоящего у окна. Яркое солнце обволакивало его фигуру, словно он сам состоял из света.

Сол был не настроен для разговора.

– Что тебе нужно от меня, Сергей? Хочешь посмеяться? Или сказать, что я получил по заслугам?

Брат двинулся к нему. Когда он подошел ближе, стало видно, что он держит в руке дымящуюся сигарету. Сергей посмотрел своими добрыми голубыми глазами на брата.

– Мне от тебя ничего не нужно, ты же знаешь. Какой мне прок от того, чтобы смеяться над тобой?

Сол пожевал губами и, наконец, повернувшись к брату, угрюмо сказал:

– Ты меня ждал, ты хотел поговорить? Послушай, а ты был в зале, когда я... ну, в общем, когда я дрался?

Сергей докурил сигарету, не спеша выпустил струйку дыма и только тогда ответил:

– Нет, Сол, я ушел из зала, когда отец сказал, что для нас совет закончен. Будь ты чуть умнее или сдержаннее, ты бы знал, что отец всегда все знает лучше, как бы странно это не звучало.

– Ты говоришь так, потому что тебе наплевать на мою судьбу! Раз ты не стал бойцом, то ты думаешь, что и мне не стоит.

– В тебе говорят эмоции. Действительно, я ждал, когда закончится этот спектакль, чтобы поговорить с тобой. Отец слишком далек для этого, он забыл, что значит быть молодым и полным сил.

Сол ничего не ответил. Он был оскорблен недоверием отца, злился от собственной несдержанности, от того, что выставил себя дураком на совете.

Сергей произнес:

– Мне кажется здесь не лучшее место для разговора. Если ты уже закончил свои драки на сегодня, может, возьмем машину и пообедаем внизу, в деревне?

Сол понимал, что это лишь повод продолжить разговор. Но поесть он бы действительно не отказался.

– Что ж, давай. Если ты угощаешь.

Брат засмеялся и хлопнул его по плечу.

– Так и быть, пройдоха. Собирайся, я жду тебя в машине.

Сергей направился к лестнице в конце коридора, ведущей вниз, в холл замка. Сол пошел в свою комнату переодеться и промыть синяк на щеке.

Пока он надевал повседневную одежду, умывался и спускался к выходу из замка, он думал, о чем интересно с ним хочет поговорить брат.

Сергей не стал Судьей, но отец увидел в нем единомышленника. Много лет назад он открыл Сергею правду о том, кто они и чем занимаются. Тогда он предложил сыну выбор – прожить обычную человеческую жизнь или помочь отцу в делах. Сергей выбрал мудро – он отправился учиться в университет в Швейцарии, работал там, где мог получить полезные навыки и опыт управления. Отец одобрял его поступки, помогал в трудной ситуации советом и всегда выручал деньгами.

Так спустя несколько лет Сергей мог консультировать по юридическим вопросам, имел стратегическое мышление и твердый характер. Отец мог бы считать, что он вырастил себе достойного преемника, но человек не мог вести орден. И это печалило отца, печалило больше всего на свете.

Поэтому Сергей стал помощником отца, он часто ездил по миру, как и Дипломат, встречался с заказчиками, а также помогал в делах компаний, которыми владели Судьи или в которые были вложены их деньги.

Сол спустился в холл и подошел к дверям-воротам. Двое охранников махнули ему. Он кивнул и приложил ладонь к сканнеру. Прибор пискнул, и ворота почти бесшумно раскрылись, выпуская его на улицу.

Яркое солнце заливало покрытую снегом площадку перед замком, и в первый миг, когда двери только распахнулись, Сол увидел лишь сплошную белую пелену. В его голове будто бы что-то щелкнуло, мыслями он невольно перенесся в прошлое.

То воспоминание было из далекого времени, с тех пор минуло почти пятнадцать лет. Маленький Сол, держа за руку своего старшего брата, так же, как и сейчас, подошел к воротам замка. Сергей приложил ладонь к сканнеру, и перед ними открылся цветущий луг в лучах весеннего солнца. В первый миг яркий после темного замка свет ударил по глазам, но уже спустя секунду Сол все видел.

Тогда Сергей был куда моложе, его волосы еще не тронул иней седины, а лицо было почти юным и веселым. Сол был еще совсем малыш, а потому боялся ходить по гулким и мрачным холлам замка, страшился суровых людей с оружием, что стояли тут и там. Но, держа старшего брата за руку, все это уходило куда-то далеко. С Сергеем он был спокоен.

Они шагнули за порог, лицо маленького светловолосого Соломона невольно растянулось в счастливой улыбке.

Сейчас Сол прошел твердым шагом через территорию, где тренировались на снегу другие Судьи, и вышел к гаражу. Там уже ждал чистенький синий седан, за рулем которого был Сергей. Увидев брата, он приветливо улыбнулся и нажал на кнопку, дверь машины плавно открылась. Сол прыгнул на переднее сиденье и зябко потер руки.

– Что, замерз? Ничего, сейчас спустимся в долину, оттаешь.

В том воспоминании из прошлого Сол и Сергей медленно подошли к большому черному спортивному седану с тонированными стеклами. Одно из них опустилось, внутри на водитель-

ском сиденье устроился их отец. Сол обрадовался, увидев его. Отец тепло улыбнулся им и помахал рукой. Он выглядел также, как и сейчас – небольшая седина в волосах, отличный итальянский костюм в полоску и чисто выбритый подбородок. Братья сели в машину, и она плавно двинулась вперед.

Мощный мотор плавно заурчал, Сол вернулся к реальности. Они поехали по горной дороге, ведущей вниз, к деревне.

Братья некоторое время молчали, и каждый думал о своем. Сергей был сосредоточен на дороге, Соломон прокручивал сцену на совете снова и снова – как он встал и явил неподчинение отцу, как отец холодно и безапелляционно осадил его, короткая стычка с Медведем, его стыд, нарастающий в душе. И снова, словно пытаясь найти в старом фильме новую информацию, он переживал это.

Наконец, тягостные мысли прервал Сергей:

– Брось ты это, хватит уже вспоминать – такая глупость никому не запомнится в вечности.

Последние слова он произнес словно с затаенной печалью. Соломон удивленно посмотрел на брата.

– Как ты узнал, что об этом я и думал? Это какой-то трюк, которому тебя научил отец?

Сергей усмехнулся:

– Это вовсе не трюк и совсем не так сложно, если потренироваться. Отец прожил долгую жизнь и многому научился, и теперь может научить нас. А если честно, то такие юнцы, как ты вообще не могут скрывать своих эмоций.

Сол тут же взметнулся:

– Говори за себя! Я не такой, как все! Между прочим, если ты не слышал, то отец именно меня прочит в лидеры.

Сергей горько заметил:

– Конечно, ведь ты его сын и Судья. Он обязан подготовить тебя к тому, что может бросить в тебя жизнь.

Сол вдруг подумал, что легко мог обидеть брата упоминанием факта его смертности. Какого это? Стареть, видя как твои брат и отец остаются неизменными. Почему так происходит?

– Как думаешь, сколько детей было у отца до нас? И сколько из них стали Судьями? И скольких он также готовил в лидеры и будущие Старейшины?

Солу внезапно пришла в голову эта мысль, и он, не раздумывая, поделился ей с братом. К тому же смена темы должна была разрядить обстановку.

Подумав, Сергей произнес:

– Когда-то и я задавался этим вопросом. И знаешь, что я думаю? Возможно, прямо сейчас где-то есть еще наши братья или сестры, которым уже уготована другая судьба. Ты же знаешь, у отца всегда есть много запасных путей. Если я помогаю ему в делах, а ты станешь заниматься боевыми задачами, почему не может быть еще одного Соломона, который, скажем, выполнял бы роль Эрнеста в другой части мира?

– Это звучит как-то уж совсем невероятно. Отец, конечно, может двигать людьми, как фигурами на шахматной доске, но он все-таки не зверь.

– Ты уверен, Сол?

– Не то, чтобы уверен... А почему ты сам не спросил его о других детях за все эти годы?

– Мне хватило мудрости понять, что отец не расскажет правду сейчас. Может, потом, когда мы будем готовы к этому. А, может, просто пойдем что-то сами.

Они замолчали, Сол смотрел в окно на ясное небо и яркое солнце над вершинами темных сосен.

Воспоминания снова поднялись в памяти молодого Судьи. Тогда в машине приятно пахло кожей, нагретой на солнце. Отец был непривычно весел и открыт, он широко улыбался и

болтал с Сергеем, задорно смеялся, когда тот шутил. А во время остановок он оборачивался и тепло смотрел на младшего сына, пару раз даже протянул руку и взъерошил его светлые волосы.

Мимо проносились умопомрачительные пейзажи, но ничего вокруг Сол не замечал. Для него сегодня был праздник – отец был очень родным, теплым, душевным, вовсе не как обычно.

Должно быть, поэтому Сол сохранил это воспоминание столь ярко, в мелких деталях.

Впереди небольшую семью ждал целый день, полный совместных приключений и развлечений. Который после завершился праздничным ужином в ресторане.

Уже поздно ночью отец тихо вел машину обратно в замок, перешептываясь с сыном, пока маленький Сол сладко спал на заднем сиденье, подложив руки под голову.

Таких дней, как тот, было немного – а потому все их Сол (да и Сергей тоже) помнили ясно. В тех воспоминаниях они были просто крепкой и дружной семьей, где каждый заботился и любил других.

Но все остальные дни были другими. С той поры, как отец открыл Солу правду о Судьях в раннем детстве, большую часть времени они виделись редко, иной раз проходило несколько дней между просто беседой между отцом и сыном. Никогда не находилась в замке постоянно, вечно был занят документами или старинными книгами, либо же спускался в подземные лаборатории, куда мальчику не было доступа. Сергея же Сол видел и того реже – постоянные разъезды приводили к тому, что старший сын и помощник Старейшины мог не появляться в замке целый месяц.

С годами Сол стал замечать, что брат изменился. Ранняя седина приморозила его волосы, живые глаза потускнели и опутались сетью мелких морщинок. Но самое главное – в нем словно угас огонь, а заменила его потаенная злоба или грусть.

Он все также любил брата и старался проводить с ним время, но все стало иначе.

Тем временем они уже спустились по серпантину, и теперь дорога стала чище и шире. Вдали показалось озеро Целлер.

Сергей расслабился и улыбнулся:

– Почти приехали, Сол. Здесь, сразу за озером, в Прилау есть неплохой ресторанчик. Давай на некоторое время забудем о бремени всего мира и побудем обычными людьми – спокойно насладимся обедом и поговорим о простых и понятных вещах.

Машина подъехала к ресторану.

– Как насчет выпить?

Сол молча кивнул, и они оба вышли из машины.

После того, как заказ был сделан, и официант принес и откупорил бутылку вина, молодой Судья несколько расслабился. Он больше не чувствовал себя скованно в присутствии брата.

Сергей поднял бокал с вином и протянул его:

– Мы нечасто стали выбираться сюда, Сол. А с отцом и вовсе... Но ты знай, что он тебя любит все также сильно, и это не изменит ничего.

Бокалы звякнули.

– Спасибо, брат. Пока мы ехали сюда, я вспоминал те редкие дни, когда нам удавалось провести время втроем, как семье. И все казалось таким... нормальным, что ли, понимаешь?

Сергей кивнул, в глазах его промелькнула потаенная грусть:

– Конечно, понимаю, Сол. Лучше, чем ты мог бы себе представить.

Когда они вернулись в замок, солнце уже клонилось к закату. Сол вышел из машины у ворот, куда его подвез брат. Машина плавно двинулась к гаражу и через минуту скрылась в воротах.

Сол вошел в замок, снова пройдя идентификацию в сканере отпечатков, и направился к себе в комнату. Уже подойдя к ней, его вдруг как молнией ударило – ведь сегодня Медведь с группой должен лететь на задание, да не простое, а поиск и захват нового Судьи.

После всех событий дня у Сола вдруг спала с глаз пелена – он понял, что должен участвовать любой ценой. Хватит спрашивать разрешения и ходить под дверью, пора заявить о себе и показать, на что он способен. Открыв дверь комнаты, Сол быстро стал переодеваться и уже через пятнадцать минут снова вышел в коридор и тихо пошел вверх по лестнице.

Медведь стоял в арсенале и заканчивал инструктаж своей команды.

– ... Поэтому считайте, что ожидается ожесточенное сопротивление противника. По тем сведениям, что у нас имеются, на подобное задание "Чистота" может прислать своего главного боевика и специалиста по уничтожению Судей, известного под кодовым именем "Азазель". Оливер, Патрик и Карл, для вас это уже не первое подобное задание, так что надеюсь на вашу помощь и бдительность в первую очередь.

Трое молодых мужчин, названных по именам, стояли с непроницаемыми лицами, сложив руки за спиной.

– Итак, еще раз проговорим основные этапы операции и цели. Первое, выдвигаемся на точку высадки, там для нас будет приготовлена машина, грузимся в нее и перемещаемся к точке встречи. Там готовим снаряжение и ждем объект.

Опять же, по оперативным данным, атака произойдет силами не менее пяти противников плюс сам Азазель. Вероятно, они возьмут тяжелое оружие, может быть, транспорт с вооружением. Однако, я думаю, что бронемашину в городе среди бела дня даже они использовать не решатся – слишком многим шумом это будет чревато.

Мы ждем атаки и под прикрытием нашего огня забираем объект. Затем выдвигаемся к точке извлечения. Вопросы?

Один из новых бойцов поднял руку:

– А кого мы спасаем? И почему нам обязательно ждать атаки "Чистоты"?

– Объект Игорь Столетов, возраст около двадцати пяти лет, рост около метр восемьдесят, русые волосы, серые глаза. Он идентифицирован, как потенциальный Судья. Это все, что вам нужно знать. Пока что. Если не согласны – идите и задавайте вопросы Гору или Старейшине.

Опытные бойцы усмехнулись, Карл произнес:

– Да уж, проще поймать летящую пулю, чем выведать то, о чем Старейшина не рассказывает.

Медведь почесал бороду и произнес:

– Теперь по снаряжению. Как обычно, боевой костюм, тактические очки, плюс три щита, а также оружие и боеприпасы. Сбор на крыше у вертолета через полчаса. Свободны.

Бойцы споро разошлись.

Полчаса спустя группа во главе с Медведем вышла на крышу, где стояли под брезентом два вертолета. Техники уже стаскивали чехол с транспортника, делали проверки оборудования, отцепляли крючья с тросами, которыми машина была пристегнута к площадке на случай сильного ветра.

Медведь прищурился, повел носом, оглядел вертолет сверху донизу, а затем повернулся к группе и сказал:

– Ребята, пять минут покурите тут.

Ответом ему был утвердительный гул. Медведь подошел к вертолету, залез в пассажирский отсек и уселся на сиденье. Ногой в тяжелом военном ботинке с высокой шнуровкой он три раза топнул. Повернулся к закату и произнес:

– Вылезай, Соломон, я поймал тебя.

Ответа не последовало. Тогда Медведь повернулся и посмотрел прямо на кучу снаряжения в задней части:

– Ну же, не заставляй меня умолять, парень.

Груда зашевелилась, и из-под нее вылез Соломон. Его лицо выражало растерянность, обиду и недоверие.

– Но как ты узнал, что я здесь?

Медведь усмехнулся:

– После сцены на совете я чего-то такого и ожидал бы от тебя. Скажу больше – будь я на твоём месте, возможно, поступил бы также. Плюс я увидел, что один из тросов, удерживающих чехол, отцеплен, когда мы поднялись на крышу – ты залез внутрь, но не смог застегнуть его, либо забыл.

Сол нахмурился и пробурчал:

– И что теперь? Прогонишь меня? Тоже будешь учить меня жизни, говорить, что я не готов?

Медведь ответил серьезно:

– Нет. Зачем мне это? Мужчина и, тем более, воин может сам решить, что он готов. Лишний ствол не будет лишним, только не лезь на рожон, парень. Не хочу, чтобы твой отец оторвал мне башку за то, что ты слишком долго проваляешься в госпитале.

Сол просиял:

– Отлично! Это же классно!

Медведь прервал его:

– Однако, время не ждет. Если ты не в курсе, мы не на прогулку собрались, у меня семь минут, чтобы спуститься в арсенал за снаряжением и вернуться.

– Есть!

Сол спрыгнул на площадку и пулей помчался вниз по лестнице.

Медведь подал сигнал своей группе, и они спокойно стали один за другим грузиться в вертолет.

Уже через десять минут, когда вернулся не умеющий сдержать улыбку от переполняющих его эмоций Сол, они взлетели и, набрав высоту, растворились в закатной дымке.

Инициация

Медведь был ужасно раздосадован. Даже скорее очень зол. Несмотря на все предосторожности, в сегодняшней операции было много сделано неаккуратно: один боец получил пулю в лоб, еще несколько были подстрелены, его самого изрезал, словно утку, Азазель. Но все это, конечно, было неважно. Главным недочетом он считал то, что Игорь уже дважды ускользнул от обеих сторон конфликта.

Когда Медведь истекал кровью на кухне, Игорь с ошалевшими глазами выбежал из квартиры, и догнать его было сложно, пришлось по рации приказать ребятам выйти из боя и бежать за этим прытким молодым человеком, оставив своих часть соратников под огнем.

Медведь был вынужден взять небольшой перерыв и зайти в ванную прямо в той квартире, где еще недавно был жаркий бой. Нужно было срочно заняться ранами, Медведь чувствовал, что быстро теряет силы. Спустя пятнадцать минут ему стало себя лучше, и он бросился следом за беглецом. Медведь спустился на улицу и помог оставшимся бойцам подавить огнем противника. Если он правильно запомнил, их было восемь, включая чертова великана. Оставшиеся в живых двое противников отступили и скрылись. Их не преследовали, у ребят Медведя было свое задание.

Потребовалось еще несколько минут, пока идущие по следу Игоря не сообщат по рации его местоположение. "Юркий парень", – подумал Медведь и подал сигнал выдвигаться на позицию.

Когда они прибыли на место, сцена напоминала падение метеорита. Черный броневик стоял неподалеку, на башне опять сидел Азазель, весь окровавленный, но ухмыляющийся. Ствол башенной пушки дымился от недавнего залпа. Легко было угадать, что случилось – они

настигли Игоря и не стали рисковать, а просто выстрелили по нему из пушки. Снаряд попал в стену трехэтажного кирпичного дома, и часть кладки обвалилась, обнажив внутренние помещения, а у подножия здания образовалась гора битых осколков кирпича и бетона, над которой поднималось облако пыли.

Оба уцелевших бойца Азазеля осторожно приближались к куче, держа винтовки наготове.

Медведь прищурился – кажется, из-под завала виднелась протянутая рука. Он принял решение мгновенно – если еще есть шанс спасти Игоря, нужно им воспользоваться.

Нападение было внезапным для противника, после короткой перестрелки сопротивление было сломлено. Остался только Азазель, он увидел приближающихся бойцов и стал наводить пулемет. Медведь на бегу припал на колено и выстрелил из подствольного гранатомета – снаряд попал чуть ниже башни, в борт бронемашины. Раздался взрыв, два колеса отлетели в сторону, а сама черная машина накренилась набок, ствол орудия и пулемета были искорежены и теперь напоминали черные сухие ветки деревьев.

Азазель, покрытый запекшейся кровью и копотью, показался сбоку от поверженной бронемашины и открыл огонь, скалясь в ярости. Но Медведь и бойцы уже достигли груды кирпича у разрушенного дома и укрылись за ним. Медведь скомандовал:

– Разбирайте завал, достаньте его как можно скорее!

Они принялись отбрасывать обломки, а сам Медведь, высунувшись с одного края кучи, обстрелял броневик, не давая своим огнем Азазелю высунуться. Громила хоть и желал больше всего на свете свернуть шею каждому из Судей, но под пули лезть не спешил и вообще был весьма проворен и осторожен.

Тем не менее, было не просто сдерживать его – великан с поразительной для своих габаритов ловкостью продолжал коротко показываться из-за разных частей броневика, продолжая отстреливаться.

Долго это продолжаться не могло, патроны у Медведя стали заканчиваться. Он отбросил очередной пустой магазин, перекинул карабин на ремне за спину и стал помогать разгребать завал. Он торопился, так как знал, что через минуту Азазель поймет – раз перестали стрелять, значит, либо затаились, либо кончился боезапас. И тогда он начнет подкрадываться, а выходить с ножом на такого противника вооруженного винтовкой, было опасно даже для Медведя. А если честнее, то просто безумно.

Откатив очередной кусок кирпичной стены, Медведь и бойцы увидели безжизненную руку, распластанную на земле. Они принялись усерднее разгребать, и тогда показалась оставшая часть тела. Это определенно был тот молодой человек, за которым они охотились. Однако, теперь он выглядел гораздо хуже – весь в грязи, красной пыли от битого кирпича, тут и там одежда была разорвана, и в прорехах зияли страшные раны.

Лицо его было все опухшим, израненным. Спина была покрыта кровавыми потеками от осколков, левая рука изувечена и раздавлена, в спине торчал кусок арматуры. Однако, это все еще был Игорь.

Медведь опустил плечо и пощупал пульс, приподнял заплывшее веко – по всему можно было заключить, что он мертв. Но Медведь почему-то успокоился и отдал приказ оттащить тело под прикрытием завала. Бойцы с телом двинулись назад.

Медведь прислушался. Затем выглянул из-за укрытия. Азазель с винтовкой в руках шел в полный рост, он не боялся попасть под пулю – то ли рассчитывал на свою молниеносную реакцию, то ли решил, что у противника не осталось патронов.

"Похоже, все-таки придется еще подраться", – подумал Медведь. Он огляделся и взял в руку ухватистый кусок кирпича, еще один положил возле себя, выхватил свой нож. И приготовился.

Когда он услышал топот великана совсем близко, он бросил кирпич на противоположную от той, где он прятался, сторону завала и, тут же схватив второй приготовленный кирпич, привстал и швырнул его прямо в Азазеля, который повернулся в сторону шума, отведя оружие в сторону.

Кирпич попал ему в плечо, великан пошатнулся и вскрикнул, к нему уже бежал Медведь. Он схватился одной рукой за приклад винтовки, а ножом в другой руке нанес удар сверху, но Азазель сумел вывернуть оружие, и лезвие застряло в пластиковом цефье. Они стали бороться, великан пытался ударить коленом противника, но тот всякий раз уворачивался. Азазель покраснел от напряжения, на лбу его вздулись жилы. Наконец, он нанес очередной удар коленом, а когда Медведь отступил в сторону, швырнул его через бедро на землю, но тот, падая, выхватил винтовку. Оставшись без оружия, Азазель пнул ствол винтовки и прыгнул за укрытие все того же завала.

Медведь поднимался на ноги, когда увидел гранату, летящую в сторону бойцов, несущих тело Игоря. Он крикнул:

– Ложись!

Раздался взрыв, бойцы упали на землю, укрыв собой Игоря. Было не видно, уцелели ли они. Разозлившись, Медведь бросился за укрытие – но там уже было пусто. Только кольцо, оставшееся от гранаты. Он бросился к своим.

Джип остановился у реки. Из-за руля вышел Медведь – весь в пыли, грязи и крови. Боевой костюм на нем был пробит в нескольких местах, но кровь уже остановилась. Он держал в руках винтовку, в которой оставалась еще половина магазина.

Им пришлось срочно выбираться из города. Такая канонада грозила большими проблемами, однако, нужно было только исчезнуть – а остальные проблемы уладит Дипломат или Сергей.

Но прежде, чем переодеться и отправиться к точке эвакуации, нужно было закончить нечто очень важное. То, зачем они прибыли сюда и выдержали неравный бой.

Он махнул рукой, и из джипа вышли двое таких же потрепанных бойцов. Они бережно доставали тело Игоря. Не было никаких сомнений, что он никак не мог пережить случившееся. Повреждения каждого типа были бы смертельны сами по себе, в совокупности же было удивительно, что тело еще оставалось одним целым.

Аккуратно и медленно они несли его к берегу. Руки Игоря безжизненно свисали вниз. Одна была свисала под неестественным углом. Медведь тяжело опустился на камень.

Над ними плыли редкие рваные облака, гонимые легким весенним ветром. Иногда он налетал порывами, заставляя сорняки и траву качаться, почти пригибаясь к земле. Тогда по реке начинали идти небольшие волны, и вода приобретала серо-стальной оттенок.

Медведь положил винтовку на землю, достал сигару и, резким движением отломив хвост за неимением гильотины, прикурил. Выпустив ароматное облачко дыма, которое тут же унесло в сторону, он наклонился вперед и оперся локтями на колени, посмотрел на своих людей.

Только двое остались на ногах после стычки с боевиками Чистоты. И это были самые опытные – Патрик и Оливер. С невозмутимыми лицами, исполненными торжественной важности, они подошли к самой кромке. Здесь они плавно опустили тело Игоря на землю, затем перевернули его на живот и бережно окунули голову в воду.

"Ну, вот и все, задание почти выполнено", – подумал Медведь. Он встал, прошел к машине, держа сигару в углу рта, и достал спутниковый телефон. Набрал номер и, дожидаясь, пока на том конце ответят, задумчиво курил, глядя на столь спокойный пейзаж.

– Слушаю.

– Это я. Мы захватили цель. И я полагаю, что погони за нами нет. Остался только один противник.

– Прекрасные новости, друг мой. Поскорее заканчивайте и возвращайтесь в замок. Связь разъединилась. Телефон снова оказался в машине, а Медведь на прежнем месте.

Прошло немного времени, тогда он скомандовал:

– Опускайте его. Пора.

Двое у тела послушно приподняли Игоря и стали заходить с ним в воду. Войдя по пояс, они наконец погрузили тело полностью и остались на месте, придерживая его от всплытия и течения.

Так им пришлось стоять довольно долго. Холодная вода вызвала бы непоправимый урон, тем более, при нанесенных ранах, если бы не костюмы на бойцах, которые дополнительно предохраняли владельца от переохлаждения.

Медведь докурил сигару, поднялся и подал знак. Оба в воде кивнули и стали медленно выходить, по-прежнему держа тело за руки.

Так же, как и в начале, они пронесли его к машине и аккуратно уложили. Затем подошли к командиру.

– Все, здесь мы закончили. Что делать дальше, вы знаете – переодеваемся, пакуем снаряжение, грузимся в машину и гоним до точки эвакуации. По плану мы должны быть на месте...

Здесь он посмотрел на часы.

– ... Через час. К счастью, ехать недалеко, но лишнее внимание нам не к чему. Особенно, учитывая, что мы везем. Так что поедem в объезд и как можно более пустынными дорогами.

Они двинулись к машине, и через десять минут, подняв тучу пыли, она с ревом понеслась прочь от реки, увозя с собой Медведя, Патрика, Оливера, пятерых остальных бойцов, раненых в бою, и тело нового Судьи Игоря.

Завтра их будет ждать замок в горах, выгрузка снаряжения, отчет перед кем-то из совета и прочее. Но все это будет только завтра. А сегодня Медведь и остальные могли спокойно отдыхать.

Интерлюдия

Они вернулись в селение, когда стемнело. Взошла луна, она проглядывала сквозь просветы в тучах, словно одаряя все вокруг своим серебристым светом.

Бернос и Джахути мерно шагали по равнине, приближаясь к селению. Оно представляло собой небольшую деревню, стоящую неподалеку от подножия развалин небоскребов.

В свое время основатели деревни здорово потрудились, чтобы эти остатки былой цивилизации послужили на пользу жителям. Они начали строить свои дома к югу от башен, чтобы те не закрывали солнце. Позже Джахути помог им своими знаниями и умениями, так что зеркала и солнечные панели были укреплены на сохранившиеся силовые элементы каркаса зданий. Работа шла медленно, а сами зеркала и панели были чрезвычайно редки в этом мире, все знания о прошлом и его технологиях исчезли, оставив свой тонкий след лишь в памяти подобных мудрецу.

Разрушена же была сама основа цивилизации – не было тяжелых инженерных машин, легкодоступного топлива, химической промышленности и прочего, без чего человечество буквально откатилось в далекое прошлое.

Но было потеряно не все. Цивилизация успела шагнуть далеко вперед, миниатюризация устройств, автономность и надежность вышли на совершенно новый уровень.

Да, в этом мире больше не было нефти и самолетов, но были компактные энергетические ячейки, дающие небольшой, но постоянный уровень энергии. Одной ячейки было достаточно для освещения всей деревни.

Как уже упоминалось, зеркала и солнечные панели были редкостью. Для поселения они и вовсе были бы недостижимы, если бы не знания Джахути о находящейся в пустыне солнечной электростанции.

Там имелась целую ферму полированных зеркал с эффектом заживления, так что они уцелели, несмотря на весьма долгое время, прошедшее с последнего обслуживания. Правда, осталось их намного меньше, чем было изначально – часть забрали раньше другие люди, часть уничтожило время и стихия. К тому же станция находилась не близко от селения, и доставка панелей отнимала много сил и времени. Что уж говорить о солнечных панелях и аккумуляторах. Их доставали из укрепленных бункеров под землей и со складов, торговали с редкими проходящими караванами.

Бернос и Джехути шли по единственной улице поселения, шаги их гулко отдавались от глиняных, каменных и бетонных стен. В некоторых окнах еще горел свет, кое-где из приоткрытых ставен слышны были тихие разговоры, а в одном доме даже звучала музыка. Деревня жила своей жизнью, этот маленький уединенный мир. Джехути всегда удивлялся той фантазии и смекалке, которую проявляли жители при строительстве. Они умудрялись добывать и притаскивать в деревню фрагменты бетонных стен, обработанные кирпичи и камни, оставшиеся от города, и сооружать из них весьма причудливые, но практичные и уютные домики. Чаще всего строили на фундаментах старых зданий. Обнаружить их, к счастью, было несложно. Под слоем земли и песка лежали руины целого города.

Наконец, они подошли к дому Берноса. Здесь пришло время расстаться. Джехути улыбнулся своему товарищу и протянул ему ладонь:

– До встречи, Бернос, друг мой. Иди к своей семье, и пусть тяготы этого мира оставят тебя, покуда ты в стенах этого дома.

– Спокойной ночи и тебе, мудрец. Время, проведенное с тобой, это время познаний и радости.

Бородатый мужчина вошел в дверь, затворил ее за собой, и воцарилась тишина. Джехути стоял на месте, прислушиваясь к звукам мира. Стрекот сверчков, невидимых музыкантов ночи, шелест сухой травы, движимой легким ветром. Планета жила своей жизнью, очищаясь от кровавых слез бойни и войн человечества. Истинно, что настоящая воля лишь в жизни, ибо она пробивается сквозь любые преграды, подобно тому, как дерево прорастает сквозь бетон.

Джехути медленно двинулся дальше по улице к ближайшей башне, отстоящей от деревни на несколько сотен метров. Он обустроил себе некое подобие жилища на высоте десятков этажей. Для этого пришлось постепенно восстанавливать разрушенные лестничные пролеты, чтобы добраться до верха. Джехути имел множество знаний, берущих свое начало еще от периода своей человеческой жизни двадцать первого века. Он был идеальным созданием мира. Он не боялся времени, голода, болезней и других людей. Он мерно продолжал свою работу, восстанавливая участки небоскреба своими силами. Кому, как ни ему, было известно, что суэта бессмысленна, а усилия приносят эффект, лишь накопившись до критической массы. Так что он продолжал свою работу недели, месяцы, годы, пока не добрался до сорок восьмого этажа, где и устроил себе нечто вроде берлоги, совмещенного с наблюдательным пунктом и лабораторией.

Прожив в совокупности несколько сотен лет, Джехути почти не испытывал неожиданных или непредвиденных ситуаций. Во многих смыслах он давно перестал быть человеком. Ведь человек всегда стремится к чему-то, старается успеть оставить свой след в истории. Что будет делать бессмертный Джехути, прожив десятки человеческих жизней? К чему он будет стремиться, если видит перед собой не меняющийся мир, полный красок, а однообразный пейзаж из цветного песка, безусловно, красивый и изменчивый, но столь предсказуемый и застывший. Как оставить память о себе в истории человечества, если ты сам пронизываешь эту историю, словно спица, и видишь, как рассказы превращаются в легенды, а те в предания, смысл которых нередко полностью противоположен исходным.

Поднявшись в свою башню, Джехути бросил вещи в угол, снял плащ и все мешающее, уселся у западного окна и стал настраивать телескоп. В последнее время он здорово озаботился

астрономией. И дело было вовсе не в праздном любопытстве или применении своих знаний, но в том, что за сотни лет вид созвездий и ход светила по небу претерпели существенные изменения. Теперь все методы ориентации в пространстве и времени потеряли точность, так что пришло время обновить календари и часы. Плотный покров туч мешал его исследованиям, но все же часть неба каждую ночь была видна. Так что по кусочкам он восстанавливал звездную карту и делал замеры. Мысленно он решил, что теперь это нужно делать регулярно.

Он не спал этой ночью. Только под утро, когда небо стало светлеть, и звезд совсем не стало видно, он оторвался от своих изысканий и прилег на свой плащ, разложенный в углу. Спина затекла и ныла после долгих часов неподвижности, и сейчас он чувствовал, как усталость покидает его, и легко заснул. Сон его был чист и светел, безо всяких образов, лишь отдых для тела и разума.

Когда Джахути открыл глаза, было уже позднее утро. Он достал свой наладонник – 11:00. Он проспал несколько часов при свете солнца, но чувствовал себя бодрым и свежим. Быстро встал, оделся и пошел вниз. Джахути спустился к речке, которая протекала неподалеку, и присел на берегу. Потом, не выдержав искушения, лег на спину и посмотрел на небо над собой. Густые тени от темных облаков выглядели неприятно, но привычно насколько, что он их уже не замечал, мысленно отфильтровывал. А видел он лишь чистые участки неба, полные жизни и синевы.

Неужели жизнь все находит для него место? Джахути давно потерял надежду на то, чтобы снова радоваться каждому дню, жить, как все, и не бояться старости. Возможно ли это? Он не знал, но определенно чувствовал, что века борьбы и скитаний подходят к концу. Быть может поиск вечной истины и гармонии, который вели его предшественники, и который вел он сам, закончится вовсе не в мире, а в душе его самого? Как знать, ведь целая вселенная жила в нем.

Пришло время омовения. Такую привычку Джахути приобрел за свою долгую жизнь и всегда старался ее придерживаться.

Скинув всю одежду, сумку и пояс с мечом, он остался нагим лишь только с медальоном на шее и вошел в воду сначала по колени. Холодная река обожгла его в первое мгновение, тогда он прошел еще несколько шагов и очутился по пояс в потоке. Холод перешел в жар, кожу его словно кусали сотни ос, а потом вся боль разом ушла. Вода теперь стала его союзником, лучшим другом и целителем.

Джахути окунулся с головой и задержал дыхание. Несмотря на то, что вода была не слишком прозрачной (он поднял со дна ил и песок, заходя в воду), открытым глазам не было неприятно. Наконец, спустя несколько минут Джахути вынырнул и, отдышавшись, побрел к берегу. Тело его было полностью обновлено. Сейчас со стороны он выглядел, как мужчина в полном расцвете сил: стройный, поджарый, с длинными волосами, струящимися по плечам. Лишь глаза его выдавали – они смотрели прямо, но замечали все вокруг, взгляд словно бы пронизывал и испытывал на прочность. Так смотрели иные мраморные статуи античности – живые и в то же время застывшие.

Одеваясь, Джахути вдруг почувствовал что-то. Какой-то проблеск на грани восприятия, едва уловимая тень запаха. Он быстро собрался, нацепил широкополую шляпу и, присев в сухой кустарник, прислушался. В самом деле, вдалеке что-то было. На вершине холма он заметил отблеск, ветер доносил оттуда чужой и враждебный аромат. Запах дыма, крови и смерти. Без сомнения, это были очередные люди, желающие грабить, насиловать и убивать.

Он вздохнул. До сих пор деревню миновали такие проблемы, но бесконечно избегать их невозможно. В этой пустынной местности почти не было поселений, то, в котором жил Джахути, являло собой редкий пример. В основном здесь проходили караваны, что везли товары из города в город. К сожалению, много было и кочующих банд.

Значит, нужно действовать. Джахути двинулся вперед. Нельзя допустить, чтобы эта деревня, являющая собой оплот морали и надежды, была разграблена гнусными бандитами.

Когда мудрец не явился на сбор в полдень, Бернос был очень удивлен и раздосадован. В самом сердце селения была площадь, на которой жители обустроили нечто вроде трибуны для выступлений. Напротив соорудили места для сидения в виде лестницы. Такая конструкция была экономна в расходе дерева и вмещала множество людей, пожелай они прийти и слушать. Строить им помогал Джехути, обучая знаниям древности и утерянным навыкам человечества.

До того, как мудрец пришел к деревне, предки Берноса и других селян жили в хаосе. Конечно, этот мир был угрюм, жесток и суров, но вовсе не пустынен, как мог бы подумать человек, попавший сюда из прошлого. И теперь существовали большие города, в которых сеяли, мастерили, убивали и лгали, как и тысячу лет назад. Конечно, от технологий и знаний прошлого остались лишь осколки, так что вид этих городов был весьма причудлив. К примеру, нефть и производимое из нее топливо были одними из двигателей прогресса в эпоху высочайшего развития человечества. Позже люди увидели, что ископаемые не бесконечны, и стали инвестировать время и усилия в поиск и производство других способов получения энергии. Ведь, в конечном счете, энергия позволяла, при достаточном ее количестве, решить любые задачи и получить любой ресурс.

И отчасти такие вливания оправдались. Человечество получило множество знаний о том, как устроен мир в мельчайших деталях, как получать энергию практически из воздуха, как очистить воду из любой лужи до состояния родниковой крошечным карманным устройством. Сейчас же почти все эти технологии были утеряны, как и более базовые и примитивные. Знания, хранившиеся в книгах и компьютерах, стали утрачиваться, машины, построенные для помощи человеку – разрушаться. Все, что оставалось нынешним людям – это крохи. Но иногда этих осколков было довольно, чтобы восстановить целый город. Спросом пользовались самые практичные технологии, необходимые для повседневной жизни – очистка воды, строительство и обработка материала, производство пищи.

Так, из пепла возрождались города. Но они не были похожи на города эпохи расцвета цивилизации. Здесь нередко царили беззаконие, феодализм, рабство и иные пороки. Группа людей во главе с прадедом Берноса бежала из одного из таких городов от гнета правителей. Они ушли в пустыню, взяв с собой семьи, небольшой запас воды, еды и два модуля – очистительный для воды и энергетический для тепла и света. Эти люди хотели жить в мире и согласии, а потому основали свое поселение примерно там, где когда-то был американский город Карсон-Сити.

Группа переселенцев выбрала хорошее место в окружении холмов, неподалеку была речка, а с севера стояли остова древних небоскребов. Эти колоссальные здания оказались самыми выносливыми, и часто лишь их остовы давали понять, что на этом месте когда-то был город.

Переселенцы уже были истощены, устали и боялись преследования, так что их лидер решил основать поселение. Из рюкзака он бережно достал две небольшие коробочки – модули. Эти кусочки высоких технологий старого мира до сих пор удивляли и восхищали. Модули представляли собой автономные комплексы, выполняющие определенную функцию, а по виду больше напоминали аккумулятор. Каждый такой модуль имел немалую ценность, и на черном рынке за них давали не меньше сотни крепких молодых рабов. Унеся с собой целых два модуля, Моисей нового поколения сильно рисковал. Погони могло не быть, если люди бы просто сбежали. К тому же в пустыне далеко не уйдешь. Но украденный модуль – это серьезная причина для возмездия. Тем более – два модуля.

Так начался путь деревни, свободной от тирании, рабства и разврата. Люди здесь вернулись к тому пути, которого придерживались их предки. А спустя некоторое время в селение пришел мудрец. Он услышал о деревне, в которой правят иные чувства и стремления, чем в других городах, и воодушевился этим. Когда он вошел в деревню, все жители смотрели на него с опаской и недоверием, ибо им тяжело далось переселение, и они много трудились, чтобы

создать условия для своих детей. Мудрец прошел по улице селения, с интересом разглядывая жителей и дома, тогда навстречу ему вышел предводитель, готовый ко всему. Они стали разговаривать, и скоро выяснилось, что ничего плохого мудрец не затевает, что он хотел бы помочь деревне знаниями и умениями, насколько это возможно. Так началось их сотрудничество.

Чего Джахути тогда не рассказал, так это того, что идя к деревне, он встретил огромную толпу пешеходов и всадников, несущих возмездие за украденные модули. Городские богачи не смирились с тем, что беглецов могла поглотить пустыня, или что они могли искать лучшей доли. Караван этот никогда не достиг своей цели, а Джахути с сожалением вынужден был несколько дней залечивать раны и хоронить непокорных разбойников, которые вознамерились уничтожить зарождающийся очаг морали и знаний.

После того случая бандиты из города больше не искали встречи с жителями, а прочие кочевники здесь встречались редко, так что селение могло спокойно жить, строить и развиваться. Джахути показал им, где взять зеркала и солнечные панели, как их настроить и как смастерить аккумуляторы, как растить урожай с помощью теплиц, зеркал и солнечного света, как строить крепкие дома и многое другое. Он прожил три поколения в деревне и уже воспринимался жителями, как неотъемлемая ее часть.

Время шло, и пришел черед Берноса стать предводителем. Он был умен и учился прилежно, зная, что наука помогала людям прошлого во всем. Отец и дед учили его слушать мудреца и обращаться к нему за советом, но решение всегда принимать самому.

Со временем они стали устраивать собрания в полдень на главной площади селения. Там могли выступить желающие, рассказать новости и коллективно принять важные решения. Джахути всегда был почетным гостем на таких мероприятиях, однако, сегодня его отсутствие всех смутило.

Бернос почесал нос, подождал еще несколько минут и решил начать сам. Он произнес небольшую речь с трибуны, но без мудреца обсуждение насущных вопросов не казалось таким интересным. И он пробормотал, что на сегодня это все. Раньше Джахути никогда не уходил без предупреждения надолго.

Мудреца все не было, и, чтобы занять руки и мысли чем-то, помимо беспокойства, Бернос отправился проверить посевы, а затем принялся охотиться.

Лишь к вечеру, когда солнце уже бросало длинные тени, он вернулся домой, неся в мешке добычу. Никто из встретившихся ему жителей не видел мудреца, и Бернос с досадой побрел домой.

Он чувствовал непонятную обиду на мудреца и сам не мог понять, откуда она берется. Раздвигая тушу, он припомнил, что еще ни разу мудрец не покидал его без совета и предупреждения. Кто знает, может быть, он ушел навсегда?

Что им было о нем, в сущности, известно? Крайне мало. Достоверно было то, что возраст его превышает сотню лет, а знания простираются далеко за границы привычного.

Мучаясь такими мыслями, он отправился спать. И тут раздался стук. Бернос схватил посох на всякий случай и вышел к двери. Рывком распахнул ее и приготовился, но за дверью стоял Джахути.

Что-то в его облике изменилось. От привычной видимой вялости не осталось и следа, движения, обычно плавные и размеренные, стали резкими и точными. Скулы его словно заострились, а взгляд пронзал еще больше, чем обычно.

– Здравствуй, друг мой. Боюсь, сегодня я принес тебе дурные вести.

– Ты вернулся, мудрец, и это самое главное. Проходи скорее, рассказывай.

Сидя в доме, Джахути продолжил:

– На деревню надвигается опасность. Утром я видел большую группу людей, вставших лагерем неподалеку, буквально в десяти километрах отсюда. Я пробрался поближе к ним и

понял, что это мародеры и захватчики. Я видел достаточно подобных групп, чтобы утверждать точно, что им понравится наша деревня. С ними разведчики.

У Берноса пробежал холодок по спине от этих слов. Он не был трусом и с детства тренировался, был прекрасным охотником, но все же не воином. Он не был уверен даже, что сможет убить человека, когда придется. Тогда Джехути продолжал:

– Завтра утром ты соберешь жителей на площади и расскажешь им об опасности. Пусть все готовятся защищаться, но будут готовы проявить сознательность и милосердие.

– Почему не поднять всех сейчас? Люди в опасности!

– Не лишай их спокойствия и сна, это сделает судьба за тебя, будь ей это угодно. Я отправлюсь обратно к ним прямо сейчас и первым же делом утром попробую договориться. Подобные люди обычно примитивны и живут весьма по весьма простым правилам. Если они все же доберутся до деревни, будьте мужественны.

Бернос успокоился, как всегда, когда вещи в его глазах обретали ясность благодаря совету мудреца.

Джехути отправился к выходу и растаял в ночной мгле. Бернос оставил свет зажженным и в задумчивости закурил трубку.

Мудрец добрался до холма, откуда просматривался лагерь. Палатки стояли кругом, в центре догорал большой костер. Джехути насчитал не меньше пятидесяти человек. По периметру лениво передвигались дозорные с факелами и ружьями.

Дождавшись раннего утра, Джехути перебрал вещи в своей сумке, оглядел меч, дотронулся до египетского креста на шее. На лице его изобразилась фатальная решимость, руки сжались в кулаки, и он мерно зашагал в полный рост по направлению к лагерю.

Часть вторая. Другой мир

Возрождение

Сначала не было ничего. Потом, словно сквозь туман, появился звук. Невнятный гул, который то переходил в рев, то затихал до едва различимого шепота. Но пока понять было невозможно, что является его источником.

Что это? Где я? Кто я?

Вихрь мыслей крутился, цветная метель перед глазами не давала сосредоточиться. Но раз есть мысль, то, наверно, есть и я? Кто это сказал? Декарт?

Затем появился свет. Он был неярким и словно просвечивал через кроны деревьев, мерцающая. Свет исходил откуда-то сверху и сбоку, при этом имел красноватый оттенок.

Следующим чувством стало осязание. Ощущались вибрация и иногда наклоны в стороны, то влево, то вправо.

Затем проснулись остальные чувства, но робко, словно едва вылупившийся птенец.

Все еще непонятно, кто я и где? И что происходит?

Прошло время. Может, пара секунд, может пара часов. Ощущения времени не было.

Вдруг туман отступил, обостряя чувства до предела. Разум запаниковал, его бомбардировали звуки, запахи, яркий свет. Снова пустота.

Она длилась еще и еще, пока свет снова не вспыхнул. Но теперь уже все было комфортнее – свет не обжигал, но давал видеть, запахи не сводили с ума, а давали информацию, звуки не лились ужасающей какофонией.

Я очнулся. Я осознал себя, я человек, но кто я и где, все еще не понимаю. Я стал ощущать свое тело. Пошевелил пальцами, потом поднял руку и посмотрел на нее. Сквозь пальцы лился яркий белый свет.

Тогда я сконцентрировался и разгадал загадки. Светило солнце, оно заглядывало в окно. Окно было странным, но я понял, что это окно в вагоне или машине. А судя по тому, как наклоны кузова тянули то влево, то вправо, по скрипу рессор, по звуку мотора это был автобус.

Автобус, который ехал по горной извилистой дороге, поднимаясь все выше. Поэтому солнце перемещалось из одного окна в другое, а мотор на особенно крутых участках начинал реветь на высоких оборотах.

Нагретый автобус пах пылью и бензином. Я лежал на полу, в проходе. Странно, что я сразу этого не понял. Поднял руки еще раз, поднес их к лицу – они выглядели вполне нормально, только были грязными, словно я копался в земле. Кожа на руках была розовая и нежная, словно у младенца. Рукава чего-то похожего на свитер смотрелись словно лохмотья.

Я ощупал лицо. Огляделся. Оказывается, в автобусе я был не один. Помимо меня здесь сидели еще восемь человек.

Я уже хотел возмутиться, кто они такие и зачем положили меня на пол автобуса, но пошевелился всем телом и ощутил, что лежу на чем-то мягком, а под головой скрученный валик.

Мне хотелось поговорить с ними, узнать все, но когда я открыл рот, звука не было. Все это напоминало сон, который показывает винегрет из воспоминаний, чувств и переживаний, а потом, когда тебе становится плохо, превращается в кошмар.

Один из сидящих повернулся и посмотрел на меня, удивленно поднял брови и, протянув руку, тронул другого и сказал ему что-то. Я не разобрал слов, но второй тоже повернулся ко мне и улыбнулся.

Их лица ничего не говорили мне, они продолжали смотреть, словно ждали чего-то. Прошла минута, другая, теперь я мог чувствовать, как течет время.

И вдруг вспышка, голова наполнилась мыслями, я где-то видел этих двоих. Да-да, точно, и этого молодого человека со светлыми голосами и дерзким взглядом, и второго, бородатого. Снова вспышка – и в разуме пронеслась вихрем лента воспоминаний.

Я осознал кто я – имя Игорь Столетов, я сидел в своей квартире, потом решил прогуляться, а потом... потом началось это. Беготня, стрельба, одни боевики, другие, убитый Петр Иванович, драка бородатого с огромным человеком со шрамами на лице. А потом снова убежать, кровь, стрельба, и, наконец, встреча с черным танком. Взгляд в его черное дуло.

Я понял с совершенной определенностью, что это сон. Все это был один длинный сон, и он продолжается. Потому что этого молодого человека я уже видел. Его несли двое товарищей по оружию с пулей в голове, совершенно мертвого. А значит, он никак не может сейчас сидеть здесь. И второго тоже быть не может, потому что я сам видел его раны от ножа, а потом этот же нож воткнули ему в спину. Однако, он был очень бодр для тяжело раненого человека и смотрел весело.

А еще я понял, что это сон, потому что вспомнил конец. И содрогнулся. Стена обрушилась на меня, и я никак не мог выжить с теми повреждениями.

Эта мысль окончательно успокоила меня. А затем все пропало.

Во дворе замка было тихо. Никто не занимался на площадке, день был в самом разгаре, и люди разбрелись по своим делам. Кто-то уехал из замка в город, кто-то отправился подкрепиться, а кто-то читал в библиотеке или просто спал.

Поэтому когда во двор въехал старый потрепанный корейский автобус, он не привлек ничьего внимания. Кроме нескольких внимательных глаз, которые следили из верхней комнаты замка.

Автобус остановился, двери открылись, и на землю стали сходить его пассажиры. Они построились в линию, последним вышел коренастый и бородатый Медведь. Все остальные были его бойцами, они возвращались с операции по спасению Игоря.

Медведь кивнул и прошел к задней части автобуса, распахнул дверь и посмотрел на сидящего на полу Игоря своими смешливыми глазами.

Тот молча разевал рот, как рыба, пока, наконец, не смог произнести:

– Я... жив?

– Еще как, парень.

Игорь оглядел себя. За исключением того, что вся одежда на нем – грязный рваный свитер, темные от крови, пыли и ила брюки – была испорчена и в дырах, сам он выглядел абсолютно целым. На руках и голове были видны пятна розовой кожи, как будто там недавно затянулась рана.

Медведь протянул руку.

– Вылезай, ты в полном порядке. Не бойся, я тебе уже говорил, что мы не враги тебе.

Игорь неуверенно протянул руку, все еще с суевренным ужасом глядя то на себя, то на Медведя, поднялся и спрыгнул на землю.

– Но как это возможно? Я был раздавлен плитой, у тебя в спине торчал нож, а вот тот парень вообще умер!

Он показал на стоящего поодаль светловолосого.

– Тебе все объяснят, Игорь. Сейчас не волнуйся, самое страшное уже позади. Кстати, твоего "трупа" со светлыми волосами зовут Соломон, сегодня его боевое крещение. Меня можешь называть Медведь.

Игорь посмотрел на него, прищурившись.

– А как тебя зовут на самом деле?

Медведь хлопнул его по плечу:

– Ты хочешь узнать мое имя или почему и зачем остался жив?

Они подошли к остальным. Медведь скомандовал:

– Ребята, разгрузайте снаряжение, а потом можете быть свободны. Все сегодня проявили себя отлично. А тебе, Сол, отдельное задание. Прямо сейчас иди к отцу.

Парень вперился дерзким взглядом в Медведя, но возразить не посмел и двинулся к замку.

Остальные занялись снаряжением и негромко стали обсуждать события последних дней. Игорь вопросительно посмотрел на Медведя, тот озорно подмигнул ему, достал сигару, аккуратно обрезал и прикурил. Потом заговорил снова:

– Пойдем, Игорь. Тебя ждет много интересного и неожиданного. Можешь считать, что сейчас будет лучшая пора твоей жизни.

– Почему?

Медведь не ответил. Он задумчиво курил, выпуская ароматные колечки дыма.

– Идем в замок. Я покажу тебе твою комнату, там сможешь умыться и переодеться, распорядись, чтобы тебе принесли поесть, а потом начнем.

Он вспомнил, что не ел уже сутки. Но голода не было – наверно, это было последствие шока.

– Что начнем?

Медведь снова не ответил. Игорь пожал плечами, решив, что раз уж они так изощренно спасли его от смерти, то вряд ли сделают с ним что-то плохое теперь. Они направились к замку и вскоре скрылись за воротами.

Игорь сидел за столом в своей новой комнате. Правда, правильнее было бы назвать ее апартаментами – для комнаты она была слишком велика, здесь было несколько зон: спальная, рабочая, отдельный санузел и гардероб.

Новая одежда пришлась в пору – на Игоре были чистые джинсы, футболка и кроссовки. Он с наслаждением мылся и ощущал блаженную чистоту. А после обеда, который принесли ему, и вовсе стал полностью счастливым. Это место уже не казалось ему таким тоскливым. Старый замок стал уютным. Поразительно, что может сделать небольшое улучшение в жизни!

Игорь сидел на удобном стуле вполоборота и размышлял. Точнее, он был расслаблен, все происшествия и потрясения до сих пор не объяснялись. Медведь лишь признался, что

операция по его спасению проходила вчера, за ночь и утро они добрались до замка, а тогда Игорь уже проснулся.

На этом его размышления прервал скрип открывшейся двери. В комнату вошел мужчина. Он был высок, красив, хотя и не молод на вид, волосы цвета соли с перцем, идеальный пробор, строгое чистое лицо и абсолютно мертвые ледяные глаза. Они смотрели пронизательно и одновременно бесстрастно, с живейшим интересом и в то же время со спокойной мудростью векового дуба.

На мужчине была белая рубашка и дорогие темно-синие брюки, изящные черные туфли. Когда он приподнял руки, стало видно золотые запонки и стильные часы. Весь его облик производил впечатление успешного бизнесмена. Если бы не эти странные глаза.

Мужчина закрыл за собой дверь и заговорил первым с легкой улыбкой:

– Приветствую тебя, Игорь. Наконец, мы встретились.

Голос его был необычайно приятен, он обволакивал и доставлял удовольствие. Игорь посмотрел на мужчину и спросил:

– Кто Вы такой? Вы меня знаете? Вы можете ответить на мои вопросы?

Гость прошел к столу и присел на второй стул, сложил пальцы в замок на столе.

– Я присяду, если не возражаешь. Нам предстоит о многом поговорить. Для начала я отвечу на твои первые вопросы и заодно представлюсь. Меня зовут Ниак, я скромный пастырь этого места и, надеюсь, духовный наставник многих обитателей этого замка. Я знаю тебя, потому что именно я распорядился спасти тебя и доставить сюда. И да, я отвечу на некоторые твои вопросы.

– Некоторые?

– Да, пока ты готов узнать не все.

Игорь отвел взгляд. У него метались мысли, сердце вдруг бешено забилося. О чем спросить? Вопросы в голове налезали один на другой.

– Кто такой Медведь? Как он выжил, и как выжил тот светловолосый парень, Соломон, кажется?

– Медведь один из нас. Он один из главных моих помощников. Несмотря на свой брутальный вид, он имеет весьма добрый и приятный характер. Можешь считать, что он наш главный и самый опытный оперативный работник. Парень, о котором ты говоришь, это мой сын, Соломон. Он еще не закончил свое обучение и тайком отправился на задание. А выжили они, потому что они Судьи.

– Как выжил я?

– Ты выжил, потому что ты теперь один из нас. Ты теперь тоже Судья. Ты прошел инициацию и возродился.

– Кто такие Судьи? Кто Вы такой на самом деле? Кто вообще все эти люди?

– Меня называют Старейшина. Можешь считать, что я лидер нашего ордена. Мы называем себя Судьи. Этим словом мы подчеркиваем несколько своих особенностей. Во-первых, мы не являемся людьми. Начиная с физиологического аспекта. Люди стареют и умирают, мы же, при определенных обстоятельствах, можем жить вечно. Ты наверно заметил, что несмотря на долгую дорогу и отсутствие пищи, ты не испытываешь голода и жажды? Что еще вчера ты был изувечен и изранен, а сейчас уже исцелился? Это еще одна наша особенность, мы можем обходиться без пищи. Хотя это не обязательно.

Ниак мягко улыбнулся. У Игоря голова уже пошла кругом. Но тот продолжал.

– Во-вторых, долгая жизнь учит нас многому, а потому мы имеем возможность становиться мудрее и постоянно обучаться. И самое важное, наш источник силы и жизни – это вода. Это ответ на твой вопрос, как выжили наши бойцы и ты. Несмотря на смертельные для простого человека раны, они успешно восстанавливаются с помощью воды. Такова наша природа.

Но цена за переход из мира людей в мир Судей высока – это смерть. Но это одновременно и жизнь.

– Я не понимаю.

– Поймешь со временем. Мы благословлены долгим веком и освобождены от бранных дел мира – иные Судьи прошлого могли проводить годы в медитации или исканиях истины, не беспокоясь о болезнях, голоде и старости. После, придя к людям, такой Судья имел мудрость, видение и знание, недоступное простым смертным. Многие не знали нашей природы, но преклонялись перед знанием, и потому просили нас помогать им советом, решением в трудной ситуации, иногда грубой силой. Так нас стали называть Судьями – но мы никого не судим, лишь помогаем людям. В том числе и принимать трудные решения, на которые у них может не хватить духу или мудрости. Так что, еще раз – не спеши и со временем все поймешь.

– Но почему Вы не расскажете мне все сейчас? Разве не лучше будет мне все объяснить?

– Ты все узнаешь. Я сказал, что отвечу на твои вопросы. Но я не говорил, что смогу объяснить тебе все.

– Но кто пытался убить меня?

Ниак кивнул:

– Хороший вопрос. Ты думаешь о безопасности. Пусть для тебя это все в диковинку сейчас, но думаю, очевидно, что наше присутствие в мире не осталось незамеченным. Многие люди хотели бы иметь нашу силу – исцеляться от болезней, продлить свой век на этой земле, решить проблему голода. Многие жаждут этого и заплатят любую цену, чтобы получить ее. Находятся и те, кто за эту цену предложат свои услуги. Другим претит само наше существование. Существует орден религиозных борцов, они называют себя "Чистота". Они думают, что знают какую-то тайну и считают нас порождениями дьявола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.